

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

"КРАСНЫЙ ГЕНЕРАЛ ИЛЮША" И ДРУГИЕ

Феликс РАХЛИН

Среди моих 82838 читателей в интернете оказались и мои кровные родственники, в том числе такие, с которыми я не был знаком. Дети, внуки и правнуки моего двоюродного дяди Леопольда Рахлина - кузена моего отца, казанского профессора-кардиолога, сообщили мне, что о его родной старшей сестре Анне Матвеевне Рахлин (она не склоняла своей фамилии в роде, числе и падеже как женскую нерусскую), оказывается, писал не только я, безвестный провинциальный графоман, но и знаменитый немецкий философ, литературный критик и эссеист Вальтер Беньямин. Посетив в конце 1926-го - начале 1927 года Москву, он оставил изданный после его смерти "Московский дневник". И в нем на нескольких заключительных страницах есть записи о жившей тогда в столице СССР моей двоюродной тетушке, Анне Матвеевне Рахлин(ой) - одной из основателей советского архивного дела.

В сборнике "История Государственного архива Российской Федерации. Документы, статьи, воспоминания, Москва, РОССПЭН, 2010", выпущенном в честь 90-летия Государственного архива Российской Федерации, обширный раздел "Воспоминания архивистов", состоящий из мемуарных статей сотрудников архивов, открывается статьей именно Анны Матвеевны. Здесь же брызжащий радостью, добротой и обаянием портрет этой женщины, которую мне довелось видеть раз в жизни и в течение всего лишь трех часов, о которых и написано в главке "Феликс А'ннович" самой первой из моих мемуарных книг. Ровно за полмесяца до того дня мне исполнилось пять лет, но я помню тот день, ту комнатку и ту радушную женщину, встретившую нас с мамой на пороге своего тихого, уютного жилища.

Мы тогда ехали к отцу в Харьков, куда его перевели из Ленинграда, - почему перевели? - теперь можно сказать совершенно точно: в порядке сталинской чистки этого города от элементов, способных сопротивляться непререкаемой единоличной власти вождя. Освобождались от всех, кто хотя бы в чем-то пытался высказаться независимо, а отец - пытался: в 1923 году, во время открытой партийной дискуссии, проголосовав за сталинские резолюции по всем пунктам, кроме одного, он, тогда не достигший и 21 года юнец, на собрании первичной парторганизации поддержал предложения Троцкого по одному-единственному вопросу: организационному. И этого уже оказалось достаточно, чтобы через 12-13 лет для "очистки" города революции от ненадежных помянуть ему ход судьбы...

В результате и мы оказались теперь на московском перепутье. Меня в этой комнате больше всего заинтересовал мой ровесник - черноволосый мальчуган - сын тети Ани. Оказалось, зовут его, точно как и меня, Феликсом, и фамилия у него тоже моя... Мы ушли с ним в закуток, за стоявший углом шкаф-шифоньер, да так там и пробыли все время, отделившее нас с мамой от пересадки в харьковский поезд.

Нам с тезкой обоим было по пять годков, и я с тех пор про-

Москва, 1926 г.

жил целую жизнь длиною еще в 80 с половиной лет! А ему жить и дышать осталось всего столько же, сколько каждый из нас прожил к тому времени...

Мудрый немецкий философ еще его не застал, но уже записал в дневнике: "Рахлина живет в доме Центрального архива, в большой, очень чистой комнате. Она живет со студентом, который, однако, очень беден и из гордости там не проживает". Женщины нашей фамилии отличаются постоянством в сердечных привязанностях, - думаю, ее Феликс возник именно вследствие той связи со скромным бедняком. Мужем Анны студент так и не стал.

Мне трудно теперь судить, была ли та комната в доме, где побывал в дни московского своего визита знаменитый немецкий еврей... Тогда Аня Рахлин, как называли ее в семье, жила в Староваганьковском переулке, 8, я взглянул на карту Москвы - это в самом центре города, недалеко от Манежной площади, Кремля, Дома Пашкова... Вроде бы, не в зоне быстрой пешеходной доступности от Курского вокзала. Но мы тогда, помню точно, ехали в метро! Скорее всего, там, в Староваганьковском, и побывали...

Читаю воспоминания Анны Матвеевны о работе в архивах под руководством В.В.Адоратского, о первых шагах советского архивного дела. Она бегло описывает очень сочные приметы времени. Большинство сотрудников составляли выходцы из "бывших людей": правящего класса царской России. Среди них - когдатшние фрейлины, придворные, дочь уче-

Анна Матвеевна прибыла в Москву из Казани по вызову Адоратского после того как отслужила в молодой Красной армии. "Вид у меня еще был красноармейский, - пишет она, - короткая стрижка, тулуп, валенки"... Чтобы "новые хозяева жизни" их не поняли, "бывшие люди" говорили между собой по-французски. По наущению Адоратского Анна Матвеевна однажды обратилась к ним неожиданно именно на этом языке: "Говорите на каком-нибудь из восточных языков, так как европейскими я владею". Впечатление от этих слов было шоковым! А она-то, между прочим, и сама была из семьи зажиточной: отец - "крупный коммерческий служащий" в Саратовском банке, а потом, перед революциями 1917 года, был вроде бы строительным подрядчиком в Казани... Она окончила гимназию, два года училась в университете на медицинском факультете, потом, уже в первые годы после Октября, окончила юридический...

Когда однажды среди разбираемых писем из Новоромановского архива, адресованных кому-то из членов царской фамилии, ей, сотруднице архива попало письмо, написанное по-датски, и Анна Матвеевна попросила дочь историка перевести его на русский, та в бешенстве швырнула письмо ей обратно с раздраженным криком: "Я чужих писем не читаю!". "Пришлось, - пишет рассказчица, - прибегнуть к словарю и перевести документ самой".

В то же время Адоратский учил новых сотрудников из

Ян Томаш ГРОСС

при участии

Ирены ГРУДЗИНЬСКОЙ-ГРОСС

Из главы "Замечания об убийстве евреев местными жителями". Кроме не поддающегося точному определению числа шутманов польского происхождения, работавших в немецкой жандармерии (таким добровольцем стал, например, Ежи Лауданский из Едвабне, один из самых жестоких убийц 10 июля 1941 г., приговоренный послевоенным судом к 15 годам заключения), на территории генерал-губернаторства так называемая "гранатовая полиция", состоявшая в основном из довоенных полицейских, по оценке Эммануэля Рингельблюма, несет ответственность за убийство десятков тысяч евреев. Сверх того, организация, куда входила молодежь старшего возраста, так называемые "Юнаки", или Baudienst ("строительная служба"), предназначенная для строительных работ, направлялась на "акции", чтобы присутствовать при вывозе евреев из гетто в лагерь смерти. В подобных случаях значительную часть населения гетто убивали прямо на месте, и молодые поляки принимали в этом участие. Единственное возражение, которое краковский архиепископ Адам Сапега направил генерал-губернатору Гансу Франку по поводу истребления евреев, состояло в просьбе, чтобы немцы перестали использовать для этой цели польскую молодежь из Baudienst. Сверх того, в преследовании и поимке евреев участвовала Добровольная пожарная охрана, причем не в рамках своих основных обязанностей, а на добровольной основе¹.

Дальше к востоку, на территории рейхскомиссариата Украина, в Белоруссии и в странах Балтии, свыше 300 тыс. местных жителей служили в полицейских отрядах, составляя основу аппарата безопасности в тылу Восточного фронта. Именно они в основном и "очищали" территорию от евреев во время второй волны убийств, когда началась ликвидация скоплений еврейского населения в ранее созданных гетто. Помимо истребительных выселений в "Транснистрию" по приказу маршала Иона Антонеску, где десятки тысяч евреев умерли от истощения и голода, на восточном фронте не только немцы, но и румыны организовывали резню евреев, например в Одессе. Облыву 16 и 17 июля 1942 г. в Париже, в результате которой на зимний велодром (Velodrome d'Hiver) было согнано 13 тыс. евреев, производила французская полиция. Лишь несколько сотен из арестованных в тот раз людей пережили последовавшую депортацию в Освенцим. Во второй половине 1944 г., после занятия Венгрии гитлеровской армией, у власти были поставлены местные фашисты (салашисты), которые приступили к уничтожению еврейских сограждан. В том же году, в ходе молниеносной операции, которую координировал штаб А.Эйхмана, 400 тыс. венгерских евреев были вывезены в Освенцим.

Много ли евреев в оккупированной Европе было убито "местными" - из общего числа 6 миллионов жертв Холокоста? Следует учесть, что, в зависимости от принятых методов подсчета, историки называют числа между одним и полутора миллионами. Сколько

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

В отрывках

Эту книгу читать тяжело - морально и физически. Импульсом к ее созданию послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Треблинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтожения евреев в газовых камерах. Именно на периферии Холокоста замечены гиены в человеческом образе. "Золотая жатва" - не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины

евреев было убито согражданами на территории довоенной Польши? Их число можно оценить в несколько сотен тысяч. А сколько евреев было убито согражданами только в коренных польских землях? Исследования на эту тему сейчас еще ведутся, и в ближайшем будущем мы узнаем и эти цифры, пока же число жертв можно оценить в несколько десятков тысяч. Тем не менее для понимания случившегося нужна не столько статистика (наверняка приблизительная), сколько точное знание конкретных событий.

Из главы "Об убийствах евреев крестьянами Келецкого края". Мы подходим к самому трудному - к тому, что касается непосредственного участия польского населе-

ния в убийствах евреев. Как объять этот вопрос и добиться полной правды, касающейся не только приведенных случаев? Сошлемся для этого на статью из № 1 ежегодника "Холокост. Исследования и материалы", описывающую убийства евреев в районе Кельце. Авторы текста, Алина Скибинская и Якуб Петелевич, проанализировали все судебные дела в Келецком воеводстве, возбужденные на основании декрета от 31 августа 1944 г., или так называемые "серпнёвки" (т.е. "августовки"). "В целом по обвинению в преступлениях, о которых здесь идет речь, перед окружным и апелляционным судом в Кельце предстало свыше 250 лиц. Жертвами их преступлений пало как минимум несколько сотен евреев, скрывавшихся на тер-

ритории сел и волостей Свентокшиского района"².

Историки Холокоста здесь же отмечают, что эти материалы позволяют увидеть лишь верхушку айсберга, поскольку в послевоенной Польше с большой неохотой судили за преступления, совершенные против евреев их согражданами. Тем не менее исследование Скибинской и Петелевича дает нам солидную основу для обобщений, так как авторы этой статьи использовали весь свод данных из очень важного источника. Полученные таким путем сведения они дополнили беседами с сельчанами этой округи. Поэтому нельзя попросту считать их материал "сводом примеров". Оба историка остановились на одной категории источников - судебных делах "серпнёвок", а не, например, на воспоминаниях крестьян или сообщениях выживших евреев, - и исчерпали архивные данные полностью. И на этой основе составили свой рассказ и оценку.

Чему может послужить статья Скибинской и Петелевича, и какие вопросы хотим мы задать в свете представленных нам фактов? Речь идет о том, чтобы провести границу между двумя интерпретациями явления - убийства и грабежей поляками их еврейских сограждан во время войны. Согласно одной из этих интерпретаций, война - это хаос, на который все можно списать. Люди убивают друг друга, насилие везде и часто приватизируется. Множатся грабежи, и люди утрачивают чувство приличия. А так как вообще в каждом обществе есть свои отбросы, не следует обобщать, наблюдая их поведение. Короче говоря, по этому мнению, упомянутые убийства и грабежи были редкими и ненормальными явлениями, отклонениями от нормы, характерными для так называемого социального дна, которое, разумеется, процветает во время войны. Но возможно, что верна совершенно противоположная точка зрения. Итак, чтобы понять, были ли преступления против евреев действиями девиантов или нормализованной общественной практикой, мы должны вчитаться в конкретные случаи и точно установить, что же произошло.

В приводимой здесь обширной цитате из статьи Скибинской и Петелевича фрагменты авторского текста на полтора десятка страниц сведены в связное повествование.

"Непосредственным мотивом большинства убийств и доносов на селе был грабеж имущества скрывавшихся евреев, стремление перехватить их добро, представления о котором рисовались воображением. Стереотип о еврейском богатстве сыграл тут зловещую роль. <...> Крестьяне рассчитывали, убивая этих людей, захватить их имущество. Можно предположить, что в психологическом плане факт того, что евреи платили за предоставление им убежища и продовольствия, причем в тех условиях часто по высокой цене, способствовал впечатлению, что у них есть большие средства, которые можно безнаказанно отнять. В какой-то мере этот мотив становился основой преступлений, жертвами которых стали те евреи, которые не могли больше "выплачивать" своим опекунам. <...>

[Убийства] совершались через застреливание <...>, удар топором или деревянными кольями. Исполнителями были польские гра-

натовые полицейские, члены местных партизанских отрядов любого направления, а также крестьяне, имевшие доступ к оружию. <...> [Во время преступлений имели место] акты физического и психологического издевательства над схваченными людьми, как то: изнасилование женщин, избиение, пинки, толчки, словесные оскорбления и унижения. <...>

В очень многих случаях обвиняемые занимали какие-либо должности в местной власти: солтысы (сельские старосты) и их помощники, войты, общинные курьеры, члены или начальники пожарной охраны, сельские стражники <...>. Это были люди исключительно римско-католического вероисповедания, обычно ранее не каравшиеся за другие преступления, мужчины в расцвете сил <...>. У них было устойчивое семейное положение, жены и дети, иногда несколько. Некоторые из них были членами ППР³ или членами Гражданской милиции [напомним, что судебные процессы происходили уже после войны. - Я. Г.]. На основании властных функций по меньшей мере часть из них можно причислить к сельской верхушке <...>. Женщины <...> часто были свидетельницами и наблюдателями, составляли часть пассивной толпы, совершающей преступления руками предполагаемых активных участников. <...>

Можно рискнуть предположить <...>, что участников и пассивных свидетелей почти каждого из этих преступлений было много <...>. В случае преступления в селах мы можем говорить даже об агрессивной, преступной толпе, в которой несколько исполнителей играли роль зачинщиков и вожаков, а остальные участники, будучи свидетелями их действий, становились фоном и "моральным" алиби для преступления. В некотором смысле, в этом принимало участие все село, на разном уровне вовлеченности или наблюдения, и все село после войны сохраняет в своем коллективном подсознании и памяти события, в которых оно участвовало. Эта безличная толпа становится одним из необычайно важных элементов для анализа всего явления. Ее присутствие позволяло размыть личную ответственность за совершение преступления, а также молчаливо подталкивало к действиям против евреев <...>. Как исполнители, так и свидетели взаимно становятся заложниками друг друга, заложниками ситуации, в которой они приняли участие. Как во время самого события, так и после него это приводило к возникновению своего рода табу. Эту тайну скрывали и после войны, так как обвинение касалось всей деревни <...>.

Особая категория исполнителей - <...> сотрудники гранатовой полиции, в большинстве своем служившие в предвоенной государственной полиции. Полицейские, замешанные в преступлениях против евреев, <...> сами были главами семей и отцами нескольких детей. Их материальное положение обычно было неплохим <...>.

В сельской местности, на территории, подчиненной своему участковому, гранатовые полицейские действовали весьма независимо, порой терроризируя всю округу. В действиях, предпринимавшихся ими против еврейского населения, заметен немалый элемент свободы и отсутствия зависимости от вышестоящих немецких властей <...>. В подобных случаях не бывало, чтобы схваченных евреев эскортировали в гетто или под арест, что и так означало бы для них смерть.

Пойманных обычно убивали на месте или в ближних лесах, а погребение останков возлагали на местных крестьян. В этих действиях заметен также элемент мстительного удовлетворения от совершенных действий и отсутствия каких-либо моральных устоев. Следует заметить, что в одном отношении эти действия специфичны. Те, кто укрывали евреев, редко несли наказание, предусмотренное за это немецкими законами <...>.

В полутора десятках рассмотренных дел говорится также о красноречивых фактах, сопровождавших преступление. После его совершения крестьяне собирались в доме кого-либо из исполнителей и вместе пили водку, как бы скрепляя попойкой свое "солидарное" действие и раздел добычи, а также, наверное, снимая напряжение.

Приведенные наблюдения - это не наш вывод из чтения материала "серпнёвок" кельского суда. Это вывод двух молодых исследователей. Собираемый образ событий, с которым мы только что познакомились - хоть и ясно, что не все его элементы заметны в каждом отдельном случае убийств, - не вмещается в понятие "социального отклонения", как бы широко мы его ни трактовали. Напротив. Из приведенных отчетов ясно видно, что убийство евреев во время оккупации было публичным действием и предметом всеобщего интереса. В нем участвовали обычные члены местного общества, а не какие-то "люди со дна", которые хорошо всем известны в любом малом сообществе. Даже более того: участие в этих преступлениях представителей местных верхов и общественности давало убийствам своего рода *imprimatur*⁴, общественную санкцию, "позволяющую размыть ответственность" и таким путем превратить особо тяжкое преступление - убийство - в форму общественного самоконтроля, осуществляемую коллективно.

Непосредственные исполнители и самые активные участники преступлений часто оставались столпами местного сообщества. Некоторые из них, о чем мы только что читали, после войны стали членами коммунистической партии, видим мы их и среди персонала Гражданской милиции. Как отмечают авторы, почти в каждом деле можно найти коллективные прошения жителей деревни "в защиту доброго имени и чести обвиняемых <...>". Это подтверждает, что село солидаризировалось с обвиняемыми и что, с точки зрения его жителей, потребности в компенсации и судебном преследовании преступлений не было.

Информация о деталях преступлений, совершенных в Свентокшиском районе, которые засвидетельствованы А.Скибинской и Я. Петелевичем, позволяет понять, что баланс этого самого трагического аспекта польско-еврейских отношений во время оккупации следует мерить какой-то совершенно иной меркой, чем до сих пор. Ведь не число жертв, а только число убийц точно засвидетельствовано. Главный вопрос (на который, впрочем, мы не найдем точного ответа) состоит не в том, сколько евреев было убито в Польше местным населением, а в другом (хотя и тут мы не получим исчерпывающего ответа): "Сколько местных жителей принимало участие в убийстве евреев?" Один еврей, убитый руками одного непосредственного исполнителя, - но при поддержке, на виду и с одобрением толпы местных жителей, - это групповое

преступление и вместе с тем социальная катастрофа, поражающая местное сообщество на десятилетия - хотя бы потому, что и дальше ему предстояло жить бок о бок с убийцами. Ибо "преступление, совершаемое открыто, ведет к тому, что делает соучастниками всех, так как все - свидетели, и никто не попытался его предотвратить". Это одна из причин, по которым, как хорошо известно из наблюдений этнографов и статей журналистов, память об этих преступлениях сохранилась в польском селе спустя поколения.

Из главы "Крупный план: сцена преступления". Познакомимся теперь с подробным описанием - своего рода фотоальбомом, только словесным, - расправы над 16 евреями (возможно, 14-ю или 18-ю) в селе Гневчина. Это событие было описано его свидетелем Тадеушем Маркелем. Если бы не его сообщение, опубликованное в апрельском номере ежемесячника "Знак" в 2008 г., в исторических источниках мы нашли бы лишь один след этого массового убийства - запись в реестре Главной комиссии по исследованию германских преступлений в Польше о том, что "в Гневчине-Тринецкой в 1942 г. "жандармы из Ярослава убили в доме Лейба Тринчера 16 евреев"⁵. О том, что за это преступление несут ответственность местные жители (факт, хорошо известный всей местной общественности), никто во внешнем мире не имел представления.

"В мае 1942 г., местные жители - назовем их группой сельской "элиты": начальник Добровольной пожарной охраны (избранный еще до войны по общественному мандату), члены охраны, а также ближайшие соседи семьи Тричеров, сельские старосты и их помощники, так называемые слуги (эти по оккупационному мандату), из обеих частей села - Ланцутской и Тринецкой, - а также безыдейное крыло движения Сопротивления, - устроили облаву на местное еврейское население, схватив большинство взрослых и детей. Они посадили несчастных на телеги, словно свиней и телят для ярмарки, и привезли их в дом Лейба и Шангли Тринчер - в центре села, совсем рядом с церковью и домом приходского священника, недалеко от школы. Все были заперты в темной каморке без окна, только с отверстием для вентиляции. <...> стражники использовали камуфляж, обманывали пленников, что оставят их в живых, если те отдадут деньги, золото, а доверенным лицам - одежду, обувь и другие вещи, и если их дети не будут плакать, а взрослые - сопротивляться. <...>⁶

Засветло несчастных выгнали в комнату и держали их под вооруженной охраной, так как каморка, приглашающая звуки и лишенная окон, понадобилась для насилий и пыток. <...> женщин препровождали в каморку, успокаивая их мужей, что это будет только допрос, в то время как на деле их насиловали по одной и группами; мужчин пытали, чтобы те сказали, где они укрыли детали гардероба и деньги. Кухня между этими двумя помещениями служила своего рода дежуркой, где местные собирались, советовались, пили водку <...> "...чаще всего насиловали двух молодых и красивых женщин: Шанглю, жену хозяина Лейба, мать троих маленьких детей, и дочь Лейзера из Тринецка, жену жителя Ярослава - тоже Шанглю, мать двоих маленьких детей. Именно этой второй Шангле удалось вырваться из рук местных в момент, ког-

да ее вели из комнаты на сеанс насилия.

Пер. с польского Леонида Мосионжника

¹ В деле Казимира и Винцентия Айхл (первый был постовым гранатовой полиции, а второй - начальником Добровольной пожарной охраны в Венгрове), которым занимался окружной суд в Седльце, имеется следующее признание Игнация Фляги: "Эта охрана была предназначена исключительно для противопожарной деятельности и помощи при наводнениях. Немецкие оккупанты не возлагали на этих стражников других обязанностей и не принуждали их к сотрудничеству при ликвидации еврейского гетто, и тем более не понуждали их искать евреев, хватать их и препровождать к местам заключения или уничтожения... Я утверждаю, что все стражники, упомянутые в протоколе моих показаний, "добровольно" принимали участие в розыске евреев на территории еврейского квартала и гетто и отводили их к жандармам или под арест, а также на место казни. Я сам в то время исполнял функции охранника, и никто не принуждал меня к участию в этих преступных действиях. Если некоторые стражники во время ликвидации гетто сотрудничали с немцами, то делали это добровольно и в целях наживы". Такие же показания дал охранник Владислав Окулус.

² Декрет от 31 августа 1944 г. объявлял преступлением любую форму сотрудничества с оккупантами. В числе прочих, на его основе судили и лиц, соучастовавших в уничтожении евреев.

³ Польской рабочей партии.

⁴ Буквально - "ПечатаТЬ позволяется" (обычная формулировка цензурного разрешения). - Прим. перев.

⁵ В коммюнике Главной комиссии содержатся имена 14 жертв. Среди них было двое годовалых младенцев и двое детей в возрасте 3 и 10 лет.

⁶ И дальше Маркель пишет: "Местные, группа сельской "элиты", которую мы сегодня назвали бы мафией, рекрутировались из тогдашнего сельского среднего класса. Они представляли административную власть и располагали физической силой, в том числе нелегальным оружием. Их функции были взаимодополняющими. У них было широкое поле для коррупции (в том числе они устанавливали размер контингента для отдельных хозяйств, списки для вывоза на принудительные работы в Германию) и неумеренная жажда гильды. Самой яркой фигурой, самым аморальным и жестоким был начальник местной Добровольной пожарной охраны, насчитывавшей около полутора десятков лиц. Он также принимал участие в погроме девяти еврейских семей в соседнем селе Ягелла. Бедняки, даже если бы и хотели, не могли вступить в мафиозный клан, а члены состоятельных и благородных семей - не желали из чувства самоуважения. Никто в селе не перечил этим гангстерам из страха перед превышением полномочий, высылкой и даже смертью. К сожалению, идеологическое крыло Армии Крайовой, представленное в основном местными студентами, не взяло на себя роль защитников еврейских соседей. К несчастью для них, между мафиозной группой и Армией Крайовой установился некий род равновесия сил, неписаное соглашение о том, чтобы не перебегать друг другу дорогу".

НЕТ КРОНЫ БЕЗ КОРНЯ

Шуламит ШАЛИТ

Иврит... Для людей, о которых сегодня речь, иврит был любим повседневной любовью - с колыбели...

Мертвыми принято считать языки, которые не служат для повседневного устного общения и ни для кого не являются родными - так сказано в нашей Краткой еврейской энциклопедии в статье о языке иврит... Просто и ясно. Ни для кого не являются родными... Наши ближайшие предки говорили на всех возможных языках, кроме родного... Он был как латынь, как санскрит. Использовался в письменности, религиозном обиходе, но редко и мало - в литературном творчестве. В общем, мертвый язык. И хотя всему культурному миру известно о беспрецедентном возрождении древнееврейского языка, сами мы не перестаем этому удивляться, и чем дальше, тем больше, ведь за ивритом - языком повседневного нашего сегодняшнего или завтрашнего общения открываются драгоценные залежи, именуемые духовным наследием нашего народа. Как же долго этот клад оставался тайной.

На первых же занятиях в ульпане мы узнали имя Элиэзера Бен-Иегуды, пионера возрождения иврита. Но были и другие. Говорит ли вам что-нибудь имя Розенштейн? А фамилия этой семьи стала в Израиле именем нарицательным, но уже в ивритском ее звучании.

"У каждого народа есть книга, которую называют именем автора, и больше никаких уточнений не надо, все и так ясно. Французы говорят "Лярусс", когда речь идет об энциклопедическом и одновременно толковом словаре Пьера Лярусса, американцы именуют свой словарь - Уэбстер, русские - Даль, израильтяне - Эвен-Шошан" ("Менора". 1984, № 25).

Розенштейн - это и есть Эвен-Шошан...

Но героем моего повествования я думала сделать не Авраама Эвен-Шошана, автора уникального словаря иврита, который для меня и сегодня "живее всех живых", а его родного брата Шломо, потому что его знала лично, а это многое решает. Да, его звали как царя Соломона, Шломо, Шломо Эвен-Шошан. Мы переписывались, переписывались, он слушал мои радиопередачи, знал, что я неплохо говорю и читаю на иврите, но писать - это же совсем другое дело, а Шломо как будто исподволь "заставлял" отвечать на письма и бандероли с выходившими один за другим сборниками своих переводов только на иврите... И, представьте, глубже знакомясь с источниками - кроме книг, это масса документов, публикаций, писем, в какой-то момент я внезапно поняла, что просто обязана рассказать не только о кроне, но и о корнях - откуда взялись на свет такие талантливые братья... Вот почему предлагаю познакомить вас с незаурядными личностями - дедушкой-праведником и отцом - учителем иврита, воспитанники которого стали строителями еврейского государства, а среди

Рабби Мотл Розенштейн, резник, кантор и праведник, отец Хаима

них и три его сына - Цви, Авраам и Шломо...

Дедушку по отцовской линии звали рабби Михл, был он резником и хазаном, а жил в местечке Радошковичи, расположенном всего в 35 километрах от Минска. Авраам, старший брат Шломо, утверждал, что помнит его, но сам не написал ничего, а как рассказывал младшему, так тот и записал и запомнил. Начал Шломо мне свой рассказ по телефону почти как сказку для малолеток: "В те годы, до революции, в России все еще правил царь Николай II, последний ее царь. А город Минск был тогда небольшим городом, всего сто тысяч человек, и половина его жителей была евреями". После чего я, кажется, закашлялась, чтобы не рассмеяться, он, видимо, все понял, и после двух-трех подобных фраз перебил себя, обещая прислать мне свою книгу о брате Аврааме, которую сейчас пишет, там будет и о предках...

Книга вышла в 1999 году, и мы возвращаемся к образу рабби Михла. Чтобы охарактеризовать его, Шломо соединяет и воспоминания брата и мемуары других людей из "Книги памяти общины Радошковичи (1952)". Педагог, психолог, писатель д-р Исраэль Рубин-Равкай (1890-1954): "Всякий раз, когда я думаю о 36 ламедвавниках - праведниках (в еврейской традиции так называют людей, которые велики не обязательно в учености, но непременно в благих деяниях, в помощи людям - Ш.Ш.), я представляю себе удивительную фигуру рабби Михла!"

Цитата длинная, поэтому сокращаю, обобщая: рабби Михл был разным - иногда серьезен и строг, как и подходит богобоязненному еврею, за это уважали, но любили за другое: он всегда полон жизнерадостия, дружелюбия, сердечного участия, на устах - шутки, каламбур... Автор вспоминал, что когда сам был еще в "нежном

возрасте, а рабби Михл уже очень старым человеком, даже в этой старости он казался самым младшим из всех отцов и дедов вокруг. Кто шутник и балагур, кто веселее всех на праздниках, кто первым пускается в пляс, заражая и выводя в круг всех остальных? Он же не был хасидом, но даже они, его "противники", дивились человеку, говоря по-современному, из другого лагеря, который проводил каждую свободную минуту во все дни своей жизни, занимаясь благотворительностью - и открыто и тайно. И каждый из тех, кто жил в Радошковичах или неподалеку, в соседних местечках, не говоря уже о приехавших сюда из Минска высокочтимых людях, к примеру, прославленный кантор или даян (судья), и не только они, но любой человек, будь он даже бедняком и бродягой, непонятно откуда взявшимся тут, находил у рабби Михла вместе с мудрым словом или шуткой и ночлег, и одежду, и пищу. Вот жил на свете обычный шойхет (резник), обладавший впридачу сильным, красивым голосом, так что мог провести службу в синагоге, а на самом деле - праведник, потому что любимейшим и важнейшим занятием для рабби Михла была все-таки благотворительность, забота о людях.

Другой мемуарист, Яков Робинсон (1889-1977), доктор права, дипломат, историк в той же "Книге памяти..." добавит несколько поразительных фактов. Выяснится, что никто никогда не знал фамилии рабби Михла, никто ею и не интересовался. Что жил он ровно 100 лет и было у него четыре сына. Но какая великодушная история и, кажется, не только легенда: старший сын рабби Михла эмигрировал в США с паспортом на имя Якова Рабиновича, у каждого из остальных трех была своя фамилия: Гринберг, Гросс и, наконец, Хаим Давид Розенштейн, про кото-

рого д-р Робинсон сказал чуть подробнее: что он "преуспел как знаток иврита, педагог и писатель, а также являлся одним из основателей хедеров - еврейских религиозных начальных школ в России"...

...Вечер. Шломо сидит перед телевизором, смотрит и слушает. Потом рассказывает мне по телефону: "Уже пять часов идет заседание кнессета, какие бурные дебаты: кричат, взывают к совести, речь ведь идет о доверии и недоверии к правительству, эмун или и-эмун... А я думаю, как бы радовался наш отец: ведь они ругаются на иврите! И тут кто-то произносит: У Эвен-Шошана сказано - эмун - это... Вот так мой брат Авраам входит в мой дом прямо с экрана телевизора"...

Авраама Эвен-Шошана, старшего брата, великого труженика-лексикографа, цитируют в Израиле, наверное, чаще любого другого человека, будь тот даже величайшим национальным поэтом или мыслителем... Потому что "Эвен-Шошан" - это наш главный толковый словарь современного живого языка иврит. Есть 5-томный словарь, 3- томный, есть так называемый сжатый словарь, карманный, народный... Автор постоянно пополнял словарь, помогали ему Шломо и несколько друзей-филологов. Признаюсь, что впервые я испытываю определенное чувство удовлетворения, даже гордости, имея возможность сказать, что одним из первых приобретений в Израиле в нашем доме была покупка 7-томного словаря Эвен-Шошана, хотя и расплачивались за него мы много месяцев. Приобретали словарь ради детей, а пользуемся больше мы сами. Вот я открываю 1-й том и читаю посвящение автора: "Моему отцу и учителю - ле-ави мори" и думаю - вот так же начинается и молитва "Ицкор" - поминовение усопших, которую и я научилась читать в Израиле...

Но продолжу посвящение Авраама Эвен-Шошана: "Моему отцу и учителю, Хаиму Давиду Розенштейну, педагогу и ивритскому писателю, который сумел привить мне, как и тысячам своих учеников, знание нашего языка и уважение к нему... Скончался в русском изгнании, в Минске... на пороге репатриации в страну, о которой мечтал всю жизнь".

Хаим Давид Розенштейн родился в 1871 году, а скончался в Минске 7 марта 1934 года, когда на руках у него были все необходимые документы, а трое сыновей с надеждой и любовью ждали отца, мать и сестру в Палестине. И такой трагический конец, как злая насмешка судьбы, долгие годы омрачал жизнь семьи. Все знали, что с детских лет и до самой кончины отец грезил о Земле обетованной. Минчанин, друг семьи, которому удалось приехать в страну Израиля вскоре после смерти старшего Розенштейна, сказал сыновьям: "Если бы ему удалось приехать сюда, он бы прожил здесь еще тысячу лет!"

В Минске остались убитые горем жена Рушка и дочь Рахель, они репатрировались позднее. Мать умерла в 1944 году, сестра Рахель многие годы руководила детским садом, скончалась в 1984 году. Обе похоронены в Иерусалиме. Старший брат Цви был в числе организаторов "Всемирного Союза сионистов-социали-

стов - Цаирей Цион", оставил дом первым, в 1921 году, участвуя в 12-м Сионистском конгрессе в Карлсбаде, поселился в Польше, редактировал в Варшаве газеты на идише и иврите. Приехал в Палестину через год после младших братьев, в 1926 году. Известен как автор 3-томного сочинения "История рабочего движения в Эрец-Исраэль". Участник и других сионистских конгрессов, он приезжал и уезжал, крепкой связи с семьей не было. Про него говорили: "Человек, который всегда в дороге". Умер Цви в 1968 году.

Наиболее близок Шломо был Авраам. "Сквозь туман многих десятилетий пытаюсь воссоздать дорогие сердцу воспоминания детства, - пишет Шломо, - Авраам был старше меня на четыре года. С раннего детства он был предметом моей гордости. Очень способный. Богато одаренный от природы, он к тому же славился как мастер на все руки. Схватывая все, чему нас учили, на лету, он хорошо рисовал, быстро овладел искусством игры на мандолине и умело выполнял все хозяйственные работы по дому. Излишне говорить об его исключительных успехах в изучении иврита. Он был в числе лучших учеников нашего отца и иногда, в случае необходимости, даже помогал ему вести занятия. Он пробовал свои силы на литературном поприще. В предисловии к сборнику литературных статей отца, опубликованному издательством "Кирият-Сефер" в 1973 году, Авраам вспоминает о конкурсе на лучшее сочинение, который отец провел в 1917 году. 11-летний Авраам удостоился тогда первой премии. Помню также его неопубликованные переводческие работы и среди них - "Капитанскую дочку" А.С. Пушкина. Благодаря Аврааму я в семилетнем возрасте увидел свое имя, напечатанное в журнале черным по белому. В 1917 году в Москве начал выходить на иврите детский еженедельник "Штилим" ("Ростки"). Его редактором был Бен-Элиэзер. Как водится в детских изданиях, в нем имелся отдел загадок и ребусов. Решив однажды с легкостью две головоломки, Авраам великодушно включил в список отгадчиков и меня, и в журнале появилась строчка: "Правильное решение прислали Авраам и Шломо Розенштейны".

Их отец был страстно влюблен в иврит и, зная его в совершенстве, стремился поделиться с молодежью своими обширными познаниями и заразить их своей любовью к нему. В ту далекую пору, когда в хедерах господствовали рутина и застой, Хаим Давид Розенштейн был подлинным новатором и модернистом. В чем это выразилось? Он преподавал иврит на иврите, а не на идише, как было принято. Он составлял учебники и учебные пособия, которые резко отличались от бывших в ту пору в употреблении. С большим уважением относясь к еврейским традициям, он в то же время стремился "вливать старое вино в новые мехи", которые отвечали бы духу времени.

Шломо: "Мои детские воспоминания, связанные с Минском, целиком относятся к советской эпохе. В 1921 году, когда мне исполнилось 11 лет, я начал посещать русскую государственную трудовую шко-

Хаим Давид Розенштейн в молодости

лу. Атмосфера в ней была резко враждебна к ивritу. "Локшн койдеш" - презрительно называли иврит евсеки*. Тут надо объяснить, что иврит на идише называется "лойшн койдеш" - святой (священный) язык. "Локшн койдеш" звучало презрительно: не святой язык, а "святые макароны".

Иврит для советских евсеков был символом клерикализма, контрреволюции, буржуазной "плесени". Его следовало искоренять. А в доме Розенштейнов в то же самое время царил атмосфера страстной любви к ивritу, восхищения его истоками и собственной привязанности к ним, почитание богатой многовековой литературы на иврите и атмосфера сионистской романтики.

Школа и дом - это были два разных мира, враждебных и непримиримых друг к другу. И в этой борьбе, которая шла за детские души, победа была на стороне отца - прекрасного педагога, просветителя, человека с горячей душой. Дети полной грудью вбирали в себя живительный дух сионистских грез и мечтаний, но прошло какое-то время, и иврит был вынужден уйти в подполье. Дети Розенштейна старшего изучали историю, они знали о еврейско-марранских средневековых Испании. Такими "марранами" в советском варианте стали и они. Шломо, с присущим ему волнением, произнес: "Для внешнего мира я - ученик советской государственной трудовой школы, а Авраам - курсов по математике и физике, потом - сельскохозяйственного института, а в "подполье" - уроки Талмуда в той или иной частной квартире и интенсивная сионистская деятельность".

Из пяти учебных пособий, изданных отцом, мальчики у них в доме видели только одну-единственную, изрядно потрепанную от частого использования книгу-молитвенник - сидур "Шира хадаша". Эту книгу отец подарил и Шломо, младшему сыну, когда его отправляли в Эрец-Исраэль. То был любовно сверстаный, красиво оформленный сидур, в отличие от других, с современными знаками препинания, с комментариями отца на полях. В предисловии к сидуру отец писал: "Молитвенник - это, к сожалению, единственная книга, которую молодой

человек нашего времени иногда берет в руки. Необходимо многократно усилить впечатление, которое произведет сидур, обстоятельно объяснить и растолковать его содержание, дабы молитва юноши доходила до умов и сердца и была не только формальным исполнением долга и установлением мудрецов. Молитва должна выражать глубокое внутреннее душевное пробуждение. Что еще может так возвысить нашу душу и пробудить национальные чувства в сердцах сыновей, как наш сидур? Ведь в нем собраны избранные песнопения Израиля, созданные в пору процветания и покоя, а также душевные излияния времен галута, изгнания, притеснений, в нем соседствуют песни величия и силы с траурными элегиями на гибель Храма и утрату независимости".

Известный публицист и педагог Давид Закай (Жуховицкий, 1886-1978), писал в первую годовщину смерти Хаима Давида Розенштейна: "Я не знаю лучшего молитвенника, чем "Шира хадаша"".

Действительно, он не раз издавался во многих странах, всюду, где были компактные еврейские общины. Печать новаторства и следы поиска новых путей, облегчающих молодежи усвоить уроки богатой еврейской культуры видны во всех изданиях Розенштейна. Таков, например, сборник "Бейт мидраш" - книга для чтения, рассчитанная на подростков и содержащая избранные тексты из Талмуда и мидрашей. Изданная в Вильно в 1906 году, она на два года опередила книгу Бялика и Равницкого "Агада".

В предисловии к книге Розенштейн поясняет, какие он ставит перед собой цели, составляя и редактируя это пособие, и заметим, что это актуально и сегодня: 1) открыть перед детьми дверь в нашу старую литературу, ввести их в коридор, где они смогли бы подготовиться к последующему входу в прекрасный чертог талмудической литературы и мидрашей; 2) обнажить перед ними немеркнущий свет, содержащийся в словах наших предшественников, и дать им ощутить национальный дух еврейства, дух многовековой еврейской истории, <...> находящей свое выражение во всех сказаниях и легендах нашей древней литературы... 3) научить их языку Мишны и мидрашей, который развивается, обновляется и совершенствуется с периода Второго Храма и до наших дней и становится сейчас живым языком нашей новой литературы. Тот же Давид Закай в упомянутой статье писал, что в работах Розенштейна чувствуется прежде всего высокое мастерство талантливого педагога, наделенного хорошим вкусом и глубоким пониманием, умеющего доносить материал кратко и точно, "человек большой культуры, он знает, что плоды и цветы вырастут полноценными, если корни будут брать соки из глубины земли, если почва будет глубоко вспахана и удобрена".

Вот почему все дети Розенштейна испытывали глубокое уважение к печатному слову, в каждом писателе виделся им человек особенный, возвышенный. Иногда, когда никого не было дома, Шломо осторожно подходил к отцовскому письменному столу и украдкой разгля-

дывал пачку писем, полученных отцом от писателей в те годы, когда он активно занимался литературным трудом. "Я не вдавался в содержание этих писем, но с любопытством рассматривал имена их авторов и дивился, что среди них так много известных мне крупных писателей - Хаим Нахман Бялик, доктор Йосеф Клаузнер, поэт Яков Фихман".

Лишь спустя полвека, когда братья, уже в пожилом возрасте, перечитали статьи отца, они смогли по достоинству оценить публицистический дар своего отца, остроту его взгляда, самобытность речи. Особенно сильное впечатление произвел на братьев именно стиль письма, язык - живой, ясный, доходчивый, так мог писать человек, который думал на иврите и для которого выражаться на этом языке было делом совершенно естественным. А в начале века таких людей в России было немного.

Итак, в апреле 1925 года уезжает в Палестину Авраам, ему нет еще 18, а в декабре получает вызов и Шломо, как младший брат, находящийся на иждивении у старшего (!). Такое вот поразительное счастье! Младшему, Шломо, 15 лет.

Читатель, наверняка, спросит, почему же часть семьи и, главное, отец, собрались так поздно. А дело в том, что через два месяца после отъезда Шломо по обвинению в сионизме в Минске был арестован отец - заметим, в 1926 году. Месяц его продержали в тюрьме. Ночь ареста он назвал в письме сыновьям ночью землетрясения. Более шестидесяти его сочинений оказались в таких руках, что обратно не получить... И уехать нельзя...

Но переписке не мешали, и она была активной, несла обеим сторонам утешение, поддержку и надежду... Шломо сразу же по приезде поступил в сельскохозяйственное училище "Микве Исраэль". Отец писал ему: "Вот ты уже на нашей земле, о которой мы мечтали, ты учишься и работаешь на иудейских полях, все более приближаясь к великой цели, которую наметил: стать независимым человеком, полезным для общества, для своего народа, для страны..."

Это Авраам первым изменил свою фамилию Розенштейн на Эвен-Шошан, потом уже все остальные члены семьи. В принципе, роза - это веред, а шошан - лилия. Но в обиходной речи у ашкеназских евреев слово "шошан" в течение многих лет ассоциируется с розой - помните песню "Шошанат Яаков" (роза Якова).

Отец благословил детей. "Будь тверд как камень - Эвен, - писал он Шломо, - и цвети как роза - Шошан". На иврите это звучит так: "Эйтан, муцак тие ка-эвен, уфраха-тифраха ке-шошан", где шошан, разумеется, мужского рода. Однако отец неожиданно признается: "На заре своей молодости я всегда так и подписывался. И да будут благословенны мои сыновья, вернувшие мне мой древний венец. Вы, верные евреи, живущие в еврейской стране и да будет воля Всевышнего, чтобы Ваше и мое еврейское имя сияло вечно".

Мне хочется сказать "аминь" или, как говорят на иврите, "амен". Чтобы каждое

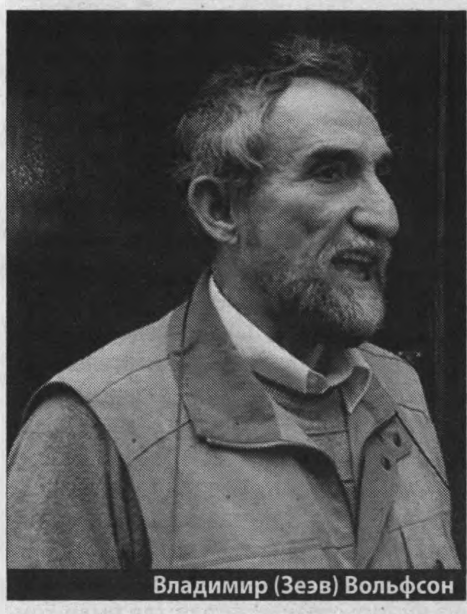
ЭКОЛОГ - ДИССИДЕНТ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Белла КЕРДМАН

Бежать из Москвы Владимиру Вольфсону пришлось срочно. После двух лет отказа была, наконец, получена заветная виза, запланирован вылет на август 1981 года - после того как Илона, жена, приведет на свет ребенка. Однако, когда в апреле по "вражескому" радио стали читать, главу за главой, книгу некоего Бориса Комарова об уничтожении природы в Советском Союзе, он сообщил жене о сдвиге в графике их отъезда. "Едем недели через три", - сказал, ничего не объясняя. Она не стала вникать в резонансные спешки: на седьмом месяце беременности ей не до того было. И в тот же день ввалился с шестью пустыми чемоданами из ГУМа их друг Боря. "Ты не вставай", - сказал Илоне, - только говори, что куда пихать. Учти, таможня принимает до двенадцати". Почему до двенадцати, почему такая спешка? - недоумевала женщина. "Самолет завтра, то есть 1 мая. И в Шереметьево надо выехать сильно заранее, потому что центр будет перекрыт. Вам-то что, вы почти вырвались, а народу еще ликовать предстоит", - пояснил ситуацию друг.

Что означало "вырвались", Илона поняла только в Вене: оказывается, автор крамольной книги Борис Комаров - это на самом деле ее муж Володя. Первенца своего она родила уже в Израиле. Его называли Эрез. Сейчас ему 37 лет, он физик. А через три года появился на свет второй сын, Йоханан - "Ханик, если по-русски, и Джо - для друзей", - так он представился мне при знакомстве. Младший - типичный гуманитарий, блестяще знающий компьютер. Оба парня прилично владеют русским языком, над этим родители немало время поработали. Но, возможно, недоработали: русского мата Эрез и Ханик не знали абсолютно, пока не попали в армию, где "русские" сослуживцы этот их пробел восполнили.

Я познакомилась с Вольфсонами в 2007 году, когда поселилась в хостеле городка Мазкерет-Батья, где у них был свой дом. Он представился Зеэвом, так я к нему и обращалась, хотя старые друзья звали его Володей. Свои тексты в Израиле он подписывал двумя именами: Зеэв (Владимир), как Жаботинский. Время от времени новый знакомый подсказывал мне интересные темы, и даже помогал их реализовать. Так, мы отправились на его машине в Афулу, к инспектору муниципалитета, принципиально и успешно противостоящему незаконной застройке государственных земель. В другой раз он привел меня в дом Моше Мускаля, которого назвал одним из самых достойных людей Мазкерет-Батии. В этот дом не вернулся с войны сын, Рафанаэль. Светлый мальчик в вязаной

Владимир (Зеэв) Вольфсон

кипе. С тех пор я стараюсь пресекать досужие разговоры об "этих религиозных, которые не служат в армии"...

Полагаю, его имя знакомо многим, не только специалистам, а и просто читателям, и не только израильским: Владимир Вольфсон был экологом мирового уровня и талантливым писателем-публицистом. Публикации о нем, а также его глубокие статьи выходили в газетах и журналах, на сайтах интернета. Через 15 лет после первой, выпущенной "Посевом" и тут же переведенной на семь языков книги, появилась у него вторая - "География выживания", также получившая широкое общественное признание.

Вот коротко биография этого незаурядного человека, адресованная редактору сетевого портала "Заметки по еврейской истории", которую Илона нашла в архиве мужа после его внезапной кончины в декабре 2009 года:

"Родился, учился: МГУ, ВГИК, работал в заповедниках. Кроме того, делал сценарии фильмов по географии и охране природы. В 1978 г. - приз за первый в СССР большой фильм по экологии "Круг жизни" (вместе с Л.Гуревичем и Л.Рымаренко). В 1978 г. в "Посеве" вышло мое "Уничтожение природы в СССР", фамилию автору - Борис Комаров - выбрал "Посев". Первая работа об экологическом кризисе в коммунистическом блоке, семь переводов на Западе и в Японии. Много позже узнал, что в 1979 г. А.Сахаров хвалил и рекомендовал. А в 1997 г. работа вошла в число "Классических исследований по экологии", изданных в Голландии.

Охрана природы - охрана памятников, возмущение торжеством вандализма привело и к созданию "Альбома разрушенных и оскверненных памятников, Москва и Золотое кольцо". Работали диссиденты, реставраторы, киношники. Общая основа у всех была антикоммунистическая, православные

церкви, конечно, в центре - по географии вандализма. В перечень злодеяний принципиально включили и синагоги, и храмы всех религий. Первую копию направили к 60-летию Солженицына ему в Вермонт - 1979 г. В 1984 г. А.И. предлагал встретиться, обсудить его планы "за природу", но, видимо, узнав, что я законченный еврей, т.е. еще и религиозный, приглашения не повторил. (Да вот в "200 лет..." помянул).

С 1981 г. в Израиле. В основном - Иерусалимский ун-т. Тема - экология и разоружение, Россия и Б.Восток. Выпускал журнал и ежегодник, единственный в своем роде на Западе. С 2005 г. - независимый эксперт по экологии и разоружению, продолжаю те же темы с израильскими научными центрами..."

В архивах мужа Илона обнаружила короткие заметки-заготовки, остроумные фразы, интересные наблюдения за животными, которых в их доме любили все. Семья и друзья собрали все это вместе, и профессор академии музыки Марк Шавинер стал редактором-составителем книги "Пушкин, Нестор и другие". На презентации этой замечательной книжки, состоявшейся в доме Вольфсонов, вспоминали хозяина, так внезапно и безвременно - в 66 лет - покинувшего сей мир. Я тоже рассказала о подарке судьбы - знакомстве и встречах с Зеэвом. И тоже получила в подарок "Пушкина..."

Появление художественной прозы Вольфсона, при жизни известного серьезными научными книгами, публицистическими статьями и сценариями документальных фильмов, кажется неожиданным. А то, что писаное им в стол - художественная проза, сомнений не оставляет. Не могу отказать себе в удовольствии привести эпизод из подаренной книги, касающийся воспитания детей в этой семье. Но прежде - пара слов о ее заголовке. В него вынесены имена собак: Пушкин - это пес соседа-аборигена, вероятно, не знающего, что для нашего уха оно звучит как то кошунственно. Нестор - тоже собака, овчарка самих Вольфсонов. А всего Зеэв называет в своих записках 19 соседских собак (ого, какое знакомство!) и рассказывает о каждой. Ну, и о трех своих, разумеется, ведет речь.

Теперь обещанный эпизод. Домашнее образование и воспитание детей Вольфсонов не ограничивалось русским языком и литературой. Вот какую любопытную запись обнаружила мать семейства в архиве мужа:

"Не бывает истории, в том числе семейной истории, без географии.

- Где это Крым? - спросил как-то старший сын, уже в возрасте, когда положено знать географическую карту. По крайней мере, в нашей семье. (Напоминаю: супруги Вольфсон - про-

фессиональные географы. - Б.К.).

- Ну, хоть дедушку Гейше ты знаешь? - чисто по-израильски начал я объяснение.

- Ну... знаю...

- Отлично. Что он делал?

- Продавал арбузы...

- Прекрасно. Главное ты знаешь.

Теперь так: представь себе дедушкин ларек с арбузами в центре базара. Базар - в центре Симферополя. Симферополь - столица, и он примерно в центре полуострова, который с трех сторон омывается Черным морем, а с севера немножко соединен с Южной Россией. Представил?

Таким образом, Крым - это часть суши, расположенная между арбузами дедушки Гейши и побережьем Черного моря".

Каков урок географии для сына?!

Обратим внимание еще на одну "воспитательную" страницу из этого архива: печатанную из интернета справку о Малых голландцах - художественной школе, объединившей в XVII в. голландских живописцев - авторов пейзажей и так называемого "жанра" на полотнах небольшого формата. Отец подготовил справку, обнаружив, что его мальчики ничего об этих художниках не знают. Я вспомнила и рассказала Илоне занятную байку, услышанную много лет назад от Алины Будниковой, художницы по костюмам "Мосфильма". Однажды она, девушка с серьезным художественным образованием, попала в компанию тусовщиков, с апломбом рассуждавших "об искусстве". Сделав наивные глаза, она спросила: "Что это вы такое говорите: "малые голландцы да малые голландцы"? Карлики, что ли?"

Я спросила у Илоны, как они с Зеэвом познакомились. Это было в МГУ, - рассказывает. Она приехала из Таллина поступать, а он уже учился на втором курсе. Впервые попав на территорию университета, она заблудилась среди его корпусов. Повстречался высокий парень, явно "экс нострис", повел к выходу. Спросил: "Конфетку хочешь?", а когда она сказала: "Хочу!", предложил: "Ну-ка, отними!". Девушка собралась обидеться, но он показал ей фантик: это конфетка так называлась - "Ну-ка, отними!". Тот фантик Илона хранила всю свою дальнейшую, увы, так же безвременно оборвавшуюся жизнь. Собственно, это Володя сориентировал ее в выборе профессии: убедил специализироваться в биогеографии.

Они поженились спустя семь лет. Удивившись моему удивлению - что так долго "женихались", Илона поискала в пачке писем (они переписывались, когда случалось расстаться - их, географов, командировки обычно не совпадали) и, поколебавшись, показала мне одно. Поэтичное, полное неж-

ности. Прочитать разрешила, цитировать, само собой, нет. Потом достала другое, выбрала место, которое можно показать читателям: это реакция Володи на прилунение американских астронавтов.

"Люди на Луне. Хоть ты об этом знаешь, но в данный момент ты самый реальный человек, который это понимает."

Спешил домой слушать радио... Никто ничего не говорил. Я бежал и думал: люди на Луне! Прибежал в 10.30, слушаю - ничего нет. Так до половины двенадцатого. Потом что-то по-польски поймал. Что-то, мол, среди скал. Наконец, в 11.50 наше радио сказало: в 11.18 прилунились. Как раз, когда я ловил и переживал. Но сказали-то полслова.

Никто ничего не понимает, что ли. Разве что у диктора голос был какой-то грустный... А так - никто не реагирует. А ведь это после явления Христа самое важное событие в нашей цивилизации! Можно лишь утешаться тем, что и на Христа почти никто не реагировал. Сейчас заняты Днем металлурга, тогда - не знаю чем. Ну, плевать. Все равно свершилось такое дело! И при нас с тобой! Уже интересно, уже стоило жить! Теперь легче умирать - ничего более выдающегося не будет..."

И в книге "Пушкин, Нестор и другие", и в рассказах друзей добром вспомнили бывшего хозяина участка пардесим (цитрусовых плантаций), который убедил репатрианта Зеэва Вольфсона купить у него этот участок и построить свой дом. Использовать последний шанс (начинались 90-е, повалила большая алия), ибо вот-вот цены на землю и на жилье взлетят до небес.

- Володя оказался дальновидным хозяином, - рассказывает Илона, - он не только купил участок, он отказался

от каблана "за все" и сам нанимал мастеров: отдельно электрика, отдельно плиточника, заказывал оконные рамы у изготовителя и т.п. Дневал и ночевал на стройке. И 22 декабря 1993 года мы вошли в свой дом...

"Где-то в этих самых местах, с разницей в каких-то двадцать-тридцать километров к востоку или к югу, кочевали когда-то наш праотец Авраам и его племянник Лот. Три с половиной тысячи лет назад, ну, с разницей, примерно, двести-триста лет. Кочевали со своими стадами..." - так определил Зеэв Вольфсон место, где поставил дом. В данном месте - в поселке Мазкерет-Батья (памяти Батьи, матери одного из Ротшильдов) я проживаю уже более десяти лет - в здешнем замечательном хостеле. Но это так, к слову - с учетом информации Зеэва.

В самом начале его посмертно изданной книжки, как сказано выше, названы имена всех собак, соседских и собственных. Но ни одного имени кошки пока не названо. Оно появляется на 15-й странице в прелестной миниатюре "Имя Джи" - о котенке Джинджи, то есть Рыжий. "Пока мы колебались и не могли решить, какую же собаку нам взять и как ее назвать, в доме появился кот. Бывает, что кошка играет в доме роль собаки". Так начинается забавный рассказ о приключениях кота (а с ним и его хозяев): у храброго и ловкого Джи была слабина - он стремглав взлетал на самое высокое в округе дерево, но слезть с него самостоятельно не мог. В первый раз его сумел снять, дождавшись темноты, Ханик. Но кот повторил свой подвиг, забравшись еще выше. И на сей раз пришлось обращаться в местный совет, в пожарную службу, в полицию. Никто не мог помочь. Спас кота студент-ветеринар, оказавшийся умелым верхолазом...

Жизненная активность, широкая образованность и общительность привлекали к Зеэву Вольфсону людей самого разного общественного положения и рода занятий. Однажды, например, его пригласил на обед великий кулинар Вильям Похлебкин. В 1974 году Володе, писавшему сценарий для документального фильма "Кто сварит кашу", понадобилась консультация специалиста, и он позвонил Похлебину. А тот позвал молодого человека не в институт, где служил (Вильям Васильевич был доктором исторических наук), и не в редакцию, с которой сотрудничал, а к себе домой. И консультация состоялась за обеденным столом. Гостя удивило, как хорошо знает хозяин еврейскую кухню. Похлебкин посвятил ей раздел в своей книге, что по тем временам было поступком.

Еще одна экзотическая встреча была у Вольфсона с Беатрикс, королевой Нидерландов. На одной из конференций он высказал идею: нужен альянс монархов Европы в защиту окружающей среды. И с этим направился к Беатрикс, известной природоохранительнице. На мой вопрос, как она отнеслась к такой красивой идее, Зеэв ответил шуткой из записных книжек Ильфа. "Рабинович извещил о своем намерении нанести официальный визит королю... Узнав об этом, король отрекся от престола". Беатрикс приняла группу из четырех профессоров в день регулярного общения с населением. Вольфсон передал ей свою идею. Побеседовали. "К проблемам экологии она больше не возвращалась. И я к идее "Альянса монархов" - тоже... Так что мы квиты", - подвел он итог.

Зеэв Вольфсон познакомил меня с очень важной экологической статистикой Израиля. На всей планете, сказал он, не было и нет страны, где бы выра-

стили столько лесов, сделали плодородными - в процентах - столько каменистых склонов, полупустынь и пустынь, как это сделали евреи в Эрец-Исраэль. В XX веке во всем мире, и у капиталистов, и у коммунистов сокращались площади под зелеными насаждениями, и ареалы пустынь стремительно расширялись. Только у сионистов дела шли иначе. В начале этого века в ландшафте Палестины преобладали серые и желто-пыльные оттенки, а в 1960-1980 гг. страна Израиля ярко зазеленела. У нас функционирует очень приличная система заповедников и национальных парков, образцово поставлена охрана перелетных птиц. Израильская сеть "полевых школ" (батэй сэфер саде) была примером экологического просвещения для таких стран как Франция, Швеция, Финляндия. Все это мы сделали и поддерживаем на неплохом уровне при очень тяжелых исходных условиях. У нас все еще чистая (от вредных примесей) питьевая вода, продукты питания чище и вкуснее, чем в большинстве развитых стран.

Он что, романтик, этот бывший экологический диссидент? Мой собеседник усмехнулся. Если и романтик, то с сатирическим оттенком, сказал: "К сожалению, у нас набирает темпы деградация земель. Последние свободные участки в центре Страны отданы на растерзание шакалам строительного бизнеса. Природная среда у нас улучшалась до тех пор, пока сионизм был стержнем нации, или, выражаясь "экологически", был психологическим стержнем популяции евреев, населяющих Эрец-Исраэль. И если ты видишь, что без такого стержня этой популяции не выжить, ты неизбежно становишься инакомыслящим. Ведь эколог - по определению диссидент".

Окончание. Начало на стр.4

НЕТ КРОНЫ БЕЗ КОРНЯ

еврейское имя звучало и сияло вечно! И чтобы вернуться к нам еврейские имена. А я хочу сказать о том, что сегодня у нас есть необыкновенная возможность собрать, соединить звенья утраченной нами еврейской культуры... Меня лично судьба чуть ли не каждый день одаряет знакомством с талантливыми потомками тех, кого нас заставляли забыть и кого мы обязаны знать и помнить... Но всегда ли крона помнит, изучает и ценит свои корни? Удастся ли нам передать будущим поколениям не только знания, но и энергию предков, мечтавших служить своему народу? Сохранилась ли она в нас самих?

К 40-летию со дня смерти Хаима Давида Розенштейна его сыновья Авраам и Шломо Эвен-Шошаны решили издать том его избранных сочинений. Шломо, писатель, редактор и переводчик, приехал из своего

кибуца Сде-Нахум к брату в Иерусалим и застал его очень взволнованным. Он молча протянул Шломо статью из "А-Мелиц", датированную 1900 годом. Называлась она "К возрождению языка". Автору статьи было тогда 30 лет. Начиналась она с риторического вопроса: "Возродится ли наш язык к новой жизни, на наших устах и в устах наших потомков?", а завершалась таким вопросом: "Кто же соберет наших ученых и соединит их воедино, дабы они общими усилиями могли проделать колоссальную работу и сочинить такой ивритский словарь, который отвечал бы всем нашим нуждам, самым разнообразным, старым и новым, и отражал бы всю нашу историю, и все понятия и представления, которые наши уста в состоянии воспроизводить на других языках?"

Мог ли он мечтать, что создате-

лем такого словаря станет его родной сын, который родится через шесть лет после публикации этой статьи?! И это событие, рождение нового словаря произойдет спустя полвека в святом Иерусалиме, вечной столице государства Израиль.

Великий Бялик сказал: "В изгнании мы утеряли все - нашу родную землю, Храм, но не утеряли языка нашего. Если вы спросите меня: а религия - литература? - я отвечу: и то, и другое основано на языке, он сохранил их, им они и живы". Вклад семьи Розенштейн-Эвен-Шошан, нескольких ее поколений, в возрождение и развитие иврита, как языка разговорного, становление литературы и культуры на этом языке велик. Но достаточно ли осмыслен и оценен?

* "Евсеки" - члены Еврейской секции ВКП(б), боровшиеся и против иврита, и против еврейской религии.

ספר חסידים

ספר חסידים

סדר התפלות

לכל ימות השנה

הוצאת ספרים
הרבנית
הרבנית

הוצאת ספרים
הרבנית
הרבנית

הוצאת ספרים

הוצאת ספרים

הוצאת ספרים
הרבנית
הרבנית

Книги Х.Д.Розенштейна разошлись по всем еврейским общинам.

МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ И ВЕЧНОСТЬЮ

Дан Ливни и его искусство

Алек Д. Эпштейн

Художник яркого и самобытного дарования Дан Ливни родился 25 января 1936 года в семье Исраэля и Мины Лакриц - уроженцев Польши, с 1921 года живших в Германии, а в 1933 году после прихода Гитлера к власти эмигрировавших в Палестину (Эрец-Исраэль). Семья, в которой вырос будущий художник, принадлежала к поколению, стараниями и усилиями которого создавалось Государство Израиль, отнюдь не на "серебряном подносе" еврейскому народу преподнесенное. Мать художника, Мина, была активисткой еврейской боевой подпольной организации "Хагана", а отец, Исраэль Лакриц, был одним из тех, кто в 1934 году своим трудом создавал завод по добыче фосфатов на южном побережье Мертвого моря. Инициатором создания этого завода был инженер Моисей Абрамович Новомейский, и вот как он вспоминал об этом строительстве в одиннадцатой главе своей книги "От Байкала до Мертвого моря": "Заброшенный тракт из Иерусалима к Мертвому морю вернулся к жизни. По нему потянулись вереницы тяжелых грузовиков с досками, цементом, арматурой, трубами и прочими стройматериалами. Появились первые бараки, прокладывались трубы для подачи воды из Мертвого моря в испарительные бассейны. Другую сеть труб тянули от Иордана. Построили небольшую пристань, куда причаливали транспортные лодки и баржи, привозившие питьевую воду. Работа шла как положено, по плану, дело двигалось, и это радовало людей. А какой праздник был в тот вечер, когда ночную темень впервые рассеял свет электрических ламп!". Оба завода компании успешно работали до 1948 года, когда они были варварски разрушены арабскими погромщиками - и это несмотря на то, что арабские рабочие составляли половину работников предприятия.

Дан Ливни рос в кибуце Маоз-Хаим неподалеку от Бейт-Шеана в Иорданской долине, в числе основателей которого в июле 1937 года были его родители.

В 1954 году Дан Ливни закончил школу в кибуце, после чего три года служил в армии, приняв участие и в операции "Кадеш" 1956 года. Большая часть его армейской службы прошла в пустыне Негев: нетронутые цивилизацией скалистые неприступные горы, глубокие каньоны и огромные впадины с отвесными краями, напоминающими лунные кратеры, оказали большое влияние на его будущее творчество. Позднее, уже в качестве резервиста, он участвовал еще в четырех войнах Государства Израиль: от Шестидневной (1967) - до Первой Ливанской (1982). В ходе Шестидневной войны Дан Ливни был среди тех, кому еврейский народ обязан восстановлением контроля над Иерусалимом. Каждую сво-

Дан Ливни в своей студии в Хайфе. Фото А.Д.Эпштейна

бодную минуту в армии он рисовал; двенадцать его зарисовок 1967 года были изданы год спустя отдельным портфолио (ныне оно, конечно, является библиографической редкостью), а с 2008 года эти работы в подлиннике экспонируются в Мемориале Гиват а-Тахмошет [Арсенальный холм], который посвящен увековечению памяти 182 израильских солдат и офицеров, павших в битве за Иерусалим во время Шестидневной вой-

ны. После Войны Судного дня, как и после Первой Ливанской войны также были выпущены портфолио, включавшие в себя зарисовки, созданные Даном Ливни в передышках между боями.

В 1958 году Дан Ливни переехал в Иерусалим и начал учебу в Академии художеств "Бецалель". Жил он в кибуце Рамат-Рахель, и зачастую у него настолько не было денег, что весь путь на занятия приходилось проделывать пешком.

Дан Ливни, "Стены Иерусалима"

Жажда творчества, однако, пересиливала все жизненные трудности и невзгоды. Иерусалим молодой художник полюбил на всю жизнь; обладающий магической притягательной силой вечный город стал главным героем целого ряда его картин.

Закончив обучение в Академии "Бецалель" и получив в 1964 году первую премию на прошедшем в Тель-Авиве конкурсе молодых художников, Дан Ливни переехал в Беэр-Шеву, где начал работать учителем рисования в старших классах средней школы. Еще в Иерусалиме он в 1962 году женился на Оре Бен-Херут, год спустя родились их дочери-близнецы, Тали и Дафна (третий ребенок, сын Йонатан, родился шестнадцать лет спустя, в 1979 году). В 1964 году в городском музее Беэр-Шевы прошла первая выставка Дана Ливни, а в 1965 году он получил первый приз на выставке художников Беэр-Шевы и Южного округа.

В том же году Дан Ливни переехал в Хайфу - и вот уже более полувека вся его жизнь связана с этим "городом шести религий" (именно так называется одна из его картин). На протяжении тридцати восьми лет он работал учителем рисования в одной из городских школ; одновременно с этим в 1980-2004 годах он вел разнообразную преподавательскую и общественную деятельность в Педагогическом колледже "Гордон", а с 1988 по 2009 годы вел семинары и курсы повышения квалификации для учителей рисования. Наряду с живописными и графическими произведениями, он создал целый ряд настенных росписей, украшающих различные дома и постройки в разных городах Израиля. Он работал также в сферах книжной иллюстрации и театрально-декорационного искусства (еще в 1967 году он оформил спектакли "Тевье-Молочник" Шолом-Алейхема и "Скупой" Мольера в Хайфском молодежном театре), был организатором и куратором выставок, художником-постановщиком ряда торжественных мероприятий.

Дан Ливни совершенствовал свое мастерство в Университете искусств Сент-Мартин в Лондоне (в 1970-1971 учебном году), на летних семинарах в Reichenau Center в Австрии (в 1980 и 1981 годах) у видных художников-"фантастических реалистов" Эрнста Фукса (1930-2015) и Вольфганга Маннера и в Институте при Музее изобразительных искусств в Бостоне (в 1986-1987 учебном году). Выросший в небольшом кибуце едва ли не на "краю света", Дан Ливни побывал во многих странах, в каждой из которых он общался с коллегами, посещал музеи и выставки, но более всего - жадно впитывал те впечатления, которые дарит сама природа.

Эти впечатления он впитывал и в Израиле, ландшафт которого, несмотря на очень небольшую территорию страны, отличается удивительным разноо-

Дан Ливни, "Хайфа - город шести религий"

Дан Ливни, "Экзистенциальное беспокойство"

бразием. Дан Ливни рисовал на Голанских высотах и в Галилее, в пустыне Негев и на впоследствии возвращенном Египту Синайском полуострове... Его живопись, ни с какой стороны не будучи абстрактной, далека и от фотореализма: каждый виденный пейзаж он переосмыслил, наделяя его чертами, в реальности порой не присутствовавшими, но добавлявшими новое, историко-метафизическое, измерение. Каждый пейзаж он видит не только таким, каков он сейчас, но мысленно моделирует и его прошлое, и его будущее, передавая эту полифонию времени на своих полотнах... Картина "Меж времен" - одно из лучших его произведений именно такого рода.

Дан Ливни - художник-философ, его глубоко беспокоят фундаментальные вопросы бытия. Как свидетельствует он сам, беспокойство за выживание еврейского государства, его настоящее и будущее, никогда не покидало его, и не только пять пройденных войн тому причиной. С юных лет более всего он любил наблюдать за облаками и их движением по воле ветра - став старше, на картине "Экзистенциальное беспокойство" он, кажется, уподобил облакам всех нас, принимая во внимание зыбкость нашего существования. Исполинские свечи на полотне "Памяти ушедших" прорастают из изрезанной пересохшими ручьями гористой пустыни; на картине нет ни намека на присутствие человека, и совершенно непонятно, остался ли на земле хоть кто-то, кто эту память может хранить - или же это свечи, поставленные какой-то высшей силой, в память о погибшем народе - или даже о всем человечестве...

В Хайфе прошли десятки выставок Дана Ливни, в том числе трижды в Доме художника им. Шагала: в 1979, 2011 и 2012 годах. В 1988 году его персональная выставка прошла и в Доме художника в Иерусалиме. Всего же в Израиле прошли десятки выставок этого исключительно художника, а еще одиннадцать - в зарубежных странах: три - в различных лондонских галереях в 1970-1971 годах, одна - в галерее в городе Саарбрюккен в Германии в 1977 году, еще семь, с 1971 по 1987 годах - в галереях и общинных цен-

трах в США. Некоторые его выставки были приурочены к памятным датам, в частности, "Иерусалим - 40 лет после Шестидневной войны" (она прошла в Хайфе в 2007 году) и "Зарисовки с Войны Судного дня (40 лет спустя)" (она состоялась в Музее бронетанковых войск в Латруне в 2013 году).

Дана Ливни никак не назовешь художником, обделенным вниманием. Он был удостоен ряда наград, вручаемых муниципалитетом Хайфы: в 1998 году - премии им. Пинхаса Шифа за многолетнюю деятельность в сфере художественного образования, в 2000 году - городской медали, в 2012 году - премии им. Германа Штрука за достижения в сфере живописи и пластических искусств. В 2011 году он был удостоен премии

Ассоциации художников и скульпторов Хайфы и Севера. Вместе с тем за пределами ставшего ему за прошедшие полвека родным города его искусство известно куда меньше, чем оно того заслуживает. Его работы не представлены в экспозициях какого-либо из израильских музеев, вследствие чего, кроме отдельных временных выставок, их совершенно нигде увидеть. В 1985 году был издан альбом, включавший репродукции избранных произведений, созданных художником за первые четверть века творческой деятельности. К сожалению, это издание и поныне остается единственным, хотя за прошедшие с тех пор более чем тридцать лет Дан Ливни создал множество замечательных работ.

Такое положение дел никак нельзя

счесть нормальным, принимая во внимание тот факт, что Дан Ливни является одним из тех немногих мастеров, чье творчество, произрастая из проникновенного прочувствования истории, географии и сегодняшнего дня Израиля, находится при этом на высочайшем художественном уровне. На его полотнах каждое место обретает историческое, философское и футурологическое измерение, вследствие чего даже знакомые пейзажи видятся совершенно иными. Лучшие произведения Дана Ливни важны именно тем, что помогают нашим раздумьям и переживаниям обрести куда более широкую временную перспективу; фактически он приглашает нас увидеть то, что мы наблюдаем вокруг себя, сквозь призму вечности.

Дан Ливни, "Памяти ушедших"

Окончание. Начало на стр. 1

большевистского стана вести себя с прежними работниками архива терпеливо, перенимать у них приемы работы. Случались эпизоды поистине детективные.

Однажды явился с разрешением от вышестоящей организации на работу с архивом Временного правительства некий Тарасов-Родионов. Выдавая по его требованию документы, она стала их просматривать - и вдруг обнаружила среди них показания... самого Тарасова-Родионова времен правительства Керенского, в которых этот человек всячески "открещивается" от принадлежности к большевикам... (Надо понимать, что, получив компрометирующие его документы, он мог их уничтожить или, по меньшей мере, безнадежно испортить текст. Может, для того и явился в архив?) После того случая был введен обязательный предварительный просмотр сотрудниками выдаваемых для изучения документов...

А вот, в ее письменном пересказе, эпизод, как академику Е.В.Тарле Анна Матвеевна выдавала подлинник отречения от престола императора Наполеона Бонапарта I. "Я открыла картон с подлинником отречения Наполеона, - пишет тетя Аня, - и увидела, как задрожали руки историка французской революции, когда он взял в свои руки этот документ". Сколько в словах молодой архивистки профессионального понимания чувств и переживаний ученого коллеги, какая наблюдательность... Надо напомнить нынешнему читателю (а возможно, и рассказать заново), что академик Тарле (ударение на первом слоге фамилии) происходил из еврейской семьи и никогда этого не скрывал: когда его, на французский лад, называли Тарле, то есть ставили ударение на последнем слоге, он неизменно поправлял: "я не француз, а еврей!". Стоит добавить, что одним из выдающихся сочинений академика является его научная биография императора Наполеона I Бонапарта. В частности, он автор вышедшей в серии "Жизнь замечательных людей" популярной и увлекательной биографии "Наполеон".

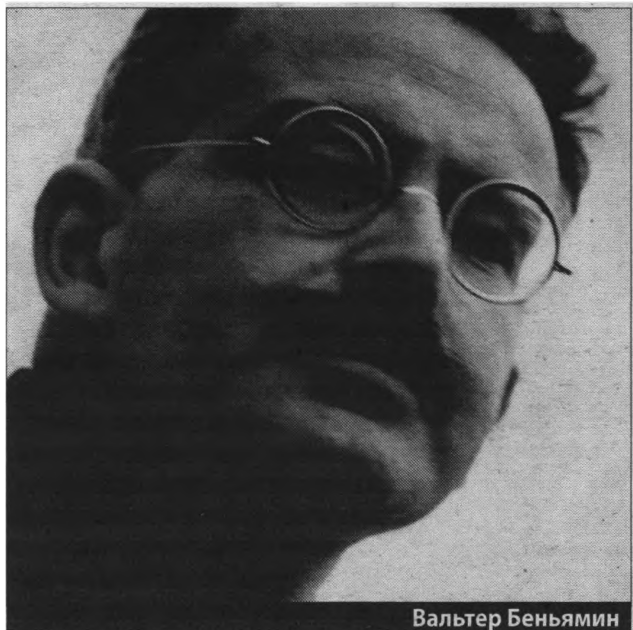
И еще любопытный эпизод. Анна Матвеевна жила в одной квартире с известнейшей русской революционеркой, народолюбовкой Верой Фигнер и ее сестрой, муж которой, Сажин, участник Парижской коммуны, к этому времени уже глубокий старик, признавая огромные заслуги Маркса, не мог, однако, ему простить то, что тот обвинял анархиста Бакунина в связях с царизмом. И вот однажды Анна Матвеевна обнаружила при разборе архивных бумаг... письмо Бакунина царю! Адоратский разрешил ей показать документ Сагину. "Старик был потрясен", свидетельствует она.

Тетя Аня Рахлин занимала ряд ответственных должностей в советских архивах, но в годы Большого террора по сфабрикованному обвинению была сослана на спецпоселение в Бузулук - заштатный городок Оренбургской области, где стала преподавать в техникуме немецкий язык. Сын сперва был при ней, в том числе и в начале войны, однако в надежде, что мальчику, который, вдобавок к общим бедам военного времени, еще и заболел диабетом, будет более сытно и удобно жить с ее родителями в Казани, она отправила его к бабушке с бабушкой. Тогда же или чуть позже, но одному из молодых людей, поехавших в Казань учиться в вузе, она дала рекомендательное письмо к своим старикам. И те приняли юношу у себя столоваться.

Оставим пока всех в начавшейся 22 июня 1941 года Великой Отечественной войне и вернемся почти на двадцать лет вспять - в Москву конца 1926-го - начала 1927 года. Именно в это время вел свой "Московский дневник" Вальтер Беньямин. (На русском языке дневник издан в 1997 г. издательством Ad Marginem). В центре описываемых событий - любовный роман автора дневника с латышской большевичкой - актрисой и режиссером Асей Лацис.

Ася к тому времени жила как эмигрантка из буржуазной Латвии в Советской России. Беньямин лишь года за два до этого познакомился с нею на Капри и серьезно влюбился. Читая его изложение их с Асей разговоров, сомневаться в том, что у них были близкие отношения, не приходится. Биографы В.Беньямина отмечают: основное, что привело его в Москву - это желание увидеться с возлюбленной. Однако ясно, что не к таким встречам он стремился, не о таких мечтал.

Во-первых, Ася большую часть тех двух месяцев, что продолжался его визит, жила в московском санатории (она там лечилась от последствий сильнейшего нервного расстройст-

Вальтер Беньямин

ва) и редко бывала в помещении одна. В Москве находился и режиссер одного из берлинских театров Бернхард Райх - "спутник жизни" ее, который вскоре стал мужем Аси Лацис, - о чем мы узнаем из предисловия к "Дневнику", которое написал еврейский историк и теолог, выходец из Германии Гершом Шолем.

К раздражению, которое Райх явно вызывал у В. Беньямина, с окончанием Асиного пребывания в санатории добавляется слишком частое присутствие возле нее еще одного человека. Ася переехала на жительство к своей знакомой, сотруднице одного из советских государственных архивов Анне Рахлин, о которой Беньямин как раз отзывается с большой симпатией, но у нее в доме часто бывал в гостях "красный генерал Илюша" (так называет этого человека автор "Дневника").

В редакционном примечании 131-м к "Московскому дневнику" читаем: "Анна Матвеевна Рахлин(а) была помощником управляющего Московского центрального архива Октябрьской революции; дом Централархива находился в Староваганьковском пер., д. 8". Пылкий философ рад тому, что его подруга теперь не в столь неудобных для нее и для их встреч условиях - вот дневниковая запись от 23 января 1927 года: "В этот день Ася готовилась к выписке из санатория. Она переехала к Рахлиной и, тем самым, наконец, в приятную компанию. В следующие дни я смог оценить, какие возможности открылись бы для меня, если бы подобный дом стал доступен мне раньше. Теперь было уже слишком поздно пытаться воспользоваться этими возможностями".

Тут же он поясняет: "Правда, для моих встреч с Асей дни, которые она провела у Рахлиной, были ничуть не лучше, чем время в санатории. Потому что там всегда был красный генерал, который только два месяца назад женился, но всеми возможными способами ухаживал за Асей и упрямил ее поехать с ним во Владивосток. Именно туда его направили служить. Свою жену он собирался, по его словам, оставить в Москве".

Вскоре "красный генерал" обретает в "Дневнике" имя - его, оказывается, зовут Илюша - в примечании поясняется, что "Илюша - упомянутый ранее Беньямином "красный генерал", личность не установлена".

СТОП! Я хочу помочь исследователям хотя бы предположительно установить личность "красного генерала". Им вполне мог быть двоюродный брат Анны Матвеевны Рахлин(ой) Илья Россман. Он (далее цитата из официальной биографической справки) "в сентябре 1924 г. зачислен слушателем основного факультета Военной академии РККА, которую окончил в 1927 г."

То есть как раз в конце января 1927 года, когда Ася Лацис переехала из санатория в Дом архива на Староваганьковский пер., 8, к Анне Матвеевне, срок учебы в академии истек, и боевой двоюродный брат Ани Рахлин, Илья Данилович Россман, рождения 1895 г., участник Первой мировой в звании рядового вольноопределяющегося, а затем и красногвардеец, а затем и боец первых частей Красной армии, а вскоре и младший командир, командир взвода, по-

лубатарей, слушатель ряда артиллерийских курсов, а в последние пять лет - слушатель Академии РККА, готов был вот-вот возглавить крупную воинскую часть...

Такой брат, да притом коммунист с 1918 года, для нее, коммунистки с 1920 года, - дорогой гость. Их дед (корень многочисленной и ветвистой семьи Рахлиных-Россманов) - был выходцем из евреев-кантонистов и честно отслужил в армии царя Николая Палкина 25 лет! Анна, кроме своего родного брата Леопольда, который, как раз в 1927 году, защитив докторскую диссертацию, был преуспевающим врачом-кардиологом в Казани, дружила со своими многочисленными двоюродными братьями и сестрами, Рахлиными и Россманами, жившими в разных городах Союза, но часто бывавшими в Москве. А несколько в Москве теперь и жили... Да ведь и нас с мамой, встретив на вокзале, привез к тете Ане ее двоюродный брат-москвич - мой родной дядя...

Интересна история того, как породнились два еврейских семейства: Рахлины с Россманами. Мой прадед Абрам, по отбытию 25-летней солдатской службы, выйдя в отставку, воспользовался высочайше дарованным солдатам из кантонистов правом, поселился вне черты еврейской оседлости: в Курске и недалеко от города, на тракте Москва-Крым, купил или арендовал корчму (заезжий дом). Там остановился на ночлег ехавший из "белокаменной" домой в Полтаву молодой купец или коммивояжер Данила Россман. У прадеда было несколько сыновей и дочь Шухля (по-русски ее потом называли Софьей). Даня и Соня влюбились друг в друга с первого взгляда, он посватался, сыграли свадьбу... Вечером в их брачную комнату, вместе с осколками разбитого окна, влетел булыжник. Курыкам хорошо было известно: по указу императора право жить вне "черты" даровано самому отставному солдату, последующим поколениям его потомков, но лишь по мужской линии. И уж никак не дочери и ее мужу. Стекла стали бить камнями каждый вечер - пришлось молодым уехать в Полтаву... Илья - один из их детей, там родившихся. В старости его родители жили в Харькове, и я их хорошо помню.

Но, скажут мне придирчивые читатели, ведь не был же этот Илюша Россман генералом... Да. Однако для глубоко штатского немецкого гостя, симпатизанта коммунистической идеи, как раз, в частности, и прибывшего в Страну Советов, чтобы, заодно со свиданиями с возлюбленной, решить вопрос о вступлении в Компартию Германии, не слишком понятны были петлицы да нашивки, да покрытые красной эмалью геометрические фигурки: ромбики, квадраты, треугольники, прямоугольники ("шпалы") - все эти "красные штучки". Он лишь знал, что в военных академиях растят "генералов", и прекрасно владевшая немецким Анна Рахлин могла ему это подтвердить.

Да ведь и в самом деле, уже через семь-восемь лет Илюша получит звание комбрига, что соответствует полковнику, и должности по окончании академии его ждут вполне генеральские: он возглавит сперва Московскую артиллерийскую школу имени Л.Б.Красина, а потом - Киевскую артиллерийскую же школу имени С.С.Каменева... Но для вполне цивильного иностранного философа он уже и сейчас был "генерал"!

У меня нет полной уверенности в том, что мое предположение соответствует истине. Однако оно кажется мне вполне правдоподобным, и я не отказываю исследователям творчества и биографии Вальтера Беньямина в возможности подтвердить или опровергнуть мою "гипотезу".

Правда, у меня душа не на месте в предвидении тех переживаний, какие моя версия может доставить любящим внукам Илюши и его верной жены Кати - урожденной Екатерины Абрамовны Кабаковой, которая была одной из ближайших подруг комсомольской юности моей мамы в 1919 году, когда они обе служили в аппарате ВЧК в Москве на Лубянке. Там моя мама работала в Информационном отделе, выписывая "сомнительные" или политически прямо антисоветские места из писем, подвергавшихся перлюстрации, а Катя - та служила в отделе оперативном, негласным агентом, подвергаясь нередко смертельному риску...

Да и, в конце концов, нет никаких оснований для того, чтобы всерьез заподозрить "красного генерала Илюшу" в любовных притязаниях на рижскую актрису. Они могли быть лишь плодом ревнивого воображения влюбленного филосо-

Анна Матвеевна Рахлин

Илья Россман

фа. Ему могло просто-напросто померещиться, что тот "ухаживает за Асей всеми возможными способами".

Нельзя также забывать, что жизнь и отношения даже самых дружных и взаимно любящих супругов зачастую полны всяческих сложностей.

(Расскажу "в скобках" житейский эпизод, случившийся осенью 1944 года в квартире Кати Россман-Кабаковой незадолго до возвращения ее мужа из первой его "ходки" в сталинскую "зону"...

Незадолго до возвращения нашей семьи из уральской эвакуации в освобожденный от гитлеровской оккупации Харьков 42-летний отец слег в постель, сраженный неожиданным онкологическим заболеванием. Мы привезли его, все 12 суток пути пролежавшего пластом на нарах в товарном вагоне реэвакуационного эшелона, в разрушенный Харьков, надеясь на помощь тамошнего видного уролога, но тот спасения не обещал, и по совету других врачей мать повезла мужа в Москву, где блестящий хирург Лев Исаакович Дунаевский, кузен великого композитора, в результате виртуозной операции спас нашему отцу жизнь и вернул работоспособность.

Добавивая, отлеживаясь после операции, отец нашел приют в квартире у Кати. Сюда, провести его, явилась находившаяся в Москве его давняя приятельница и коллега по преподавательской и научной деятельности, "прекрасная армянка" Рануш Давтян. Она посидела у постели выздоравливающего и стала собираться восвояси. Отец хотел встать, одеться и по-джентльменски выйти проводить даму до троллейбуса. И тут резко возвысила голос мама:

- Никуда ты не пойдешь, - тебе еще нельзя, надо поберечься! - сказала она ему решительно. Отец вынужден был подчиниться. Надо еще понять, как трудно было матери привезти больного мужа в Москву: в военное время требовался специальный пропуск, а управляющий проектным институтом, где родители служили, из чистого самодурства и черствости отказывался посодействовать. Жившая в Подмоскovie мамина сестра Гита явилась на прием к начальнику главка министерства, в ведении которого был упомянутый институт, там отца знали и ценили как прекрасного работника и телеграммой обязали управляющего "командировать Рахлина в сопровождении жены в Москву для лечения". Все это стоило ей нервов, сил, энергии, и отец это знал и ценил.

Описанный, в общем, вполне невинный эпизод, как мама приревновала мужа, обсуждался в кругу родни потом весьма долго и оживленно, в том числе и Катей и также с нею дружившей Гитой. Гита потом много раз нам рассказывала, что папа был в молодости неравнодушен к Рануш. Стоит еще добавить: когда папу во время мучительных ночей следствия в МГБ, в 1950 году во "внутренней тюрьме", где их с мамой дер-

жали одновременно, а потом одновременно и осудили заочным решением Москвы (каждого - на 10 лет лагерей), - когда его опрашивали там о круге старых друзей, - он сознательно не назвал Рануш, к тому времени мирно читавшую лекции в одном из вузов страны. А потом, в период пересмотра их "дел" уже во времена начавшегося "реабилитанса", одним из документов, на которых основывалось постановление о его реабилитации, был положительный отзыв коммунистки Рануш Давтян...

Правильно ли бояться видеть в наших высоконравственных родителях не живых людей, подвергавшихся всем жизненным искушениям и соблазнам, а бесчувственных роботов? В итоге жизни и Ильи с Катей, и наши родители оказались верны друг другу, выдержали тяжелейшие испытания подлым временем. Вот это - главное!

А теперь расскажу о том, как и чем завершились жизненные линии некоторых моих персонажей.

Родители Анны Матвеевны жили в Казани отдельно от сына - профессора-кардиолога. По неизвестной мне причине (говорят, под влиянием психического расстройства) ее мать где-то еще в 1942-м или 43-м году покончила жизнь самоубийством. Старик отец продолжал жить без нее, воспитывая и кормя внука, а к ним, напомним, ходил столоваться и рекомендованный жившей в Бузулуке на спецпоселении дочерью студент Виктор. Он привел с собою двух воров-грабителей. Старика стали пытать, надеясь на то, что "еврей отдаст золото", да так и замучили до смерти. А 13-летнего мальчика задушили полотенцем, чтобы не выдал: ведь Виктора, который был с ними, он знал в лицо.

Угрозы грабителей выследил, их по приговору суда расстреляли, Виктору же дали срок заключения, но он в заключении умер. На похоронах отца и сына была отпущенная на время из Бузулука Анна Матвеевна, она увезла с собою страшную реликвию: окровавленное полотенце, которым умертвили Феликса.

Ее казанский брат профессор Леопольд Рахлин вплоть до глубокой старости еще работал, успешно лечил больных. Однако, едва стали дрожать от старости руки, сам прекратил врачебную деятельность. Умер в 1994 г. в 96-летнем возрасте. Его приемный внук (по третьему браку) Михаил Киселев, живущий ныне в Сиэтле (США), вспоминает в своих записках: "За несколько недель до смерти, когда границы реального и воображаемого миров уже стали сливаться, им овладела упорная мысль, что мы всей семьей сидим в тюрьме, и что надо готовить побег. (Почему в тюрьме, ведь реальная жизнь уберегла его от неволи?) И еще - что надо обязательно найти спрятанный некогда и впоследствии пропавший орден Святого Георгия, полученный им в 1919 году от адмирала

Колчака". Действительно, факт службы медиком в армии Колчака по понятным причинам профессор утаил от советской власти, которой потом служил верой и правдой, приняв, в частности, участие в спасении челюскинской экспедиции в 1934 году, а во время Отечественной войны - пробыв с 1942 г. на Северном фронте в качестве армейского терапевта 19-й армии...

В годы войны в его четырехкомнатной квартире нашли приют многочисленные родственники, эвакуированные из Москвы и Харькова, - в частности, вся семья его дяди Александра Абрамовича Рахлина и двоюродной сестры Веры Даниловны, их сыновья Илья и Геня Рахлины, их родители Дания Россман и Шухля (Софья) Россман-Рахлин(а)... Все, кроме Веры, умерли и похоронены в Казани, а Вера Даниловна, поехав в Харьков навестить свою родную сестру Этель, упала, сломала шейку бедра и, пролежав долгие месяцы в постели, там и скончалась...

Меня, по следам моих семейственных записок, разыскивали потомки Леопольда Матвеевича, а также и внук Ильи Даниловича Россмана. Внуки-правнуки дяди Леопольда носят сплошь русские фамилии: Колесниковы, Песковы, Коротеевы, старший сын Ильи и Кати - Владик, уехав из Москвы по окончании вуза по распределению в Калугу, там и остался, сын его Володя - ("эх, дербень!") - урожденный калужанин, старшая дочь, Таня, живет в Обнинске Калужской области.

В заключение хотел бы проследить судьбу главных персонажей треугольника, вершинами которого заинтересовался автор этого текста (одна из них - автор "Московского дневника" В.Беньямин, вторая - предмет его пылкой любви, а третья - случайно возникший соперник Вальтера "красный генерал"). Начнем с конца. Если считать, что я прав и что "красным генералом" был мой двоюродный дядя И.Д.Россман, то последнего в 1938 году арестовали, на следствии лютыми побоями вынудили подписать самооговор, затем осудили на пять лет лагерей, этот срок в связи со случившейся Второй мировой войной удвоился, но Илюша выжил и из заключения вернулся. В Москве немедленно разыскал старых друзей, некоторые за время войны сильно продвинулись - например, - бывший в 1935 году начальником ленинградской артшколы Николай Воронов, получивший воинское звание комбрига одновременно с начальником Московской, а потом - Киевской артшколы Россманом, еще в 1944 году стал Главным маршалом артиллерии Советской армии. Эти коллеги подержали вчерашнего ээка и почти уж было добились его реабилитации, как вдруг в одну ужасную ночь 1948-го года Илюша вновь был арестован и решением "особого совещания" отправлен в ссылку, в дальнюю сибирскую глушь... Все же судьба была к нему милосердна: с началом послесталинского "большого реабилитанса" он был восстановлен во всех правах и в звании полковника вернулся к семье и в мае 1956 года, после реабилитации моих родителей, вместе с Катей в Москве смог не только радостно их встретить, но и оказал им теплый родственный прием и большую материальную поддержку. Отец тогда приехал из Воркуты в Москву одетый в лагерную спецовку. Супруги Россман переодели его в приличную, новенькую одежду (костюм - пиджачную пару, плащ, обувь и т.д.) с ног до головы!

Как ни старался я выяснить судьбу Аси Лацис, мне это не удалось. Известно, что она вышла замуж за режиссера Б. Райха, перед началом Второй мировой была в Европе, но никаких подробностей найти не мог.

А вот о трагическом финале жизни Вальтера Беньямина известно всему миру. С приходом к власти Гитлера он покинул Германию и долго жил в эмиграции во Франции. Сумел выехать из этой страны после ее оккупации гитлеровскими войсками в Испанию, намереваясь через нейтральную Португалию эмигрировать в США. Но испанские власти придрались к какой-то формальности, и возникла угроза выдачи его германским нацистам, - гестапо. В ужасе перед такой перспективой Вальтер Беньямин принял смертельную дозу морфина. Под впечатлением этого события испанская администрация не стала чинить препятствий большой группе следовавших вместе с ним политических беженцев, и гибель знаменитого немецкого философа-еврея открыла путь за океан, к свободе, Хане Арендт, Марку Шагалу и другим выдающимся деятелям европейской культуры.

ОТМЕНЕННЫЙ ХОЛОКОСТ

Леонид ВОЙХАНСКИЙ

27 января 1945 г. - день освобождения советскими войсками концентрационного лагеря смерти в Освенциме (Аушвиц-Биркенау, Польша). Этот день установлен ООН как Международный день памяти жертв Холокоста.

Углубляясь в историю и вспоминая об этом, полезно знать, что в Российской империи в прошлом также была совершена ныне малоизвестная попытка организовать нечто подобное Холокосту, но тогда в стране нашлся благородный, смелый человек, не допустивший этого тягчайшего преступления. О нем нужно знать и чтить его память.

В начале 40-х годов XIX столетия по предложению министерства государственных имуществ России, одобренному императором Николаем I, почти все еврейское население подлежало выселению в резервацию далеко на восток, в заволжские безжизненные, полупустынные степи, в условия существования, целенаправленно приводящие к вымиранию людей, то есть по нашим современным понятиям царской властью еще в XIX веке планировалось "мероприятие", которое сегодня назвали бы геноцидом.

Человеком, открыто и смело выступившим против преступного царского решения, был генерал-губернатор Новороссии, фельдмаршал, полномочный наместник царя в Бессарабии. Увы, в советское время о Михаиле Семеновиче Воронцове основная масса людей судила лишь по пушкинской эпиграмме, а в популярной исторической литературе его выставляли как царского сатрапа, реакционера, крепостника, душителя свободы.

Взволнованный судьбой евреев, М.С.Воронцов, рискуя своей карьерой, преодолев сопротивление жены и многих чиновников, обратился к императору Николаю I с представлением.

В этом историческом документе, в частности, говорилось: "Ваше Императорское Величество! Зная, сколь Вы, Государь, изволите интересоваться мнением управляющих отдельными частями империи (то есть мнением генерал-губернаторов. - Л.В.) относительно дел государственных, осмелюсь и считаю долгом определить в намерениях правительства изменить судьбу еврейского народа. Без излишества опишу нынешнее положение евреев в Новороссийских губерниях, где их пребывание не возбраняется. Указанные евреи вытеснены из Западной Европы и во внутренние губернии России не допущены (черта оседлости Екатерины II. - Л.В.). Большая часть их относится к малодостаточным обывателям, принуждена добывать хлеб насущный мелочной торговлей, трудом на казенных землях и ремесленными услугами обывателям".

Далее Воронцовым излагалось мнение министерства государственных имуществ, делившее евреев на "полезных" и "беспольных". "Смею думать, - продолжал М.С. Воронцов, - что само название "бесполь-

Михаил Семенович Воронцов

ные" для сотен тысяч обывателей и круто, и несправедливо. Тех, кого власти считают "беспольными", составит 80 процентов еврейского населения.

Бесчеловечны меры, что указано применить к ним и выслать их из селений и местечек, поселить в одном месте, лишить участия в правах. Смею указать, мой Государь: сии подданные Вашего Величества крайне бедны. Отстранение от обычных занятий обрекает их на истребление через нищету и умственное отчаяние. Эта участь падет на людей, ни в чем не провинившихся против России. Наоборот, будучи верными подданными, евреи заслужили полное от правительства доверие. Благоразумие и человеколюбие призывают отказаться от жестокой меры, ибо плач и стенания несчастных будет порицанием правительству и у нас, и за пределами России".

"Смею думать, - резюмировал генерал-губернатор Новороссийского края, - что худые последствия будут неизбежны, если мера сия примется во всей строгости; смею думать, что мера сия и в государственном виде вредна и жестока".

Особенное впечатление произвела его записка, посланная министру внутренних дел для доклада государю (1843 г.), в которой он в резких выражениях выступил против предполагаемого "разбора" евреев на "полезных" и "беспольных", назвав эту меру крутой и несправедливой; под влиянием этой записки слово "беспольные" было исключено из официальной переписки; возможно также, что благодаря ей правительство стало относиться к проекту "разбора" столь отрицательно, что даже настойчивость Николая I не могла привести к его осуществлению".

На обеде у государя император сказал Воронцову: "Удовлетворил я твоё пред-

ставление, граф, касательно евреев".

С началом генерал-губернаторства М.С.Воронцова положение еврейской общины в Новороссии значительно улучшилось. Особенно благоприятные условия сложились в Одессе, где еврейское купечество стало играть большую роль в развитии экономики города. Михаил Семенович оказывал помощь и предпринимательской деятельности евреев, и их начинаниям в области культуры.

В течение многих лет М.С.Воронцов поддерживал известного на юге коммерсанта Е.Л.Фейгина. Получив от еврейского общественного деятеля И.И.Тарнополя в подарок книгу об одесских евреях, Михаил Семенович писал ему: "Я спешу поблагодарить Вас от всего моего сердца за эту чрезвычайно интересную присылку, а также благодарю я Вас тоже и за то, что Вы по этому поводу обо мне пишете. Моим долгом и моей нравственной обязанностью было сделать в пользу Ваших единоверцев все то, что от меня зависело, пользуясь при этом содействием почетных горожан одесской еврейской общины. Мне очень приятно сознавать, что то, что было сделано в пользу еврейской общины в Одессе, послужило также примером для других областей России".

Евреи Новороссии были благодарны М.С.Воронцову за его внимательное отношение к их нуждам. 8 сентября 1848 года в Алушке они поднесли ему подарок - "Гимн для приветствия князю Михаилу Семеновичу в день совершившегося юбилея пятидесятилетней службы его сиятельства".

Вот что сообщала Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона (издание 1908-1913 гг.): "Воронцов, Михаил Семенович (князь, 1782-1856) - выдающийся русский государственный деятель, в течение дол-

гих лет (с 1823 года) состоявший новороссийским генерал-губернатором. Воронцов питал к евреям искренние добрые чувства.

Находясь в сношении с представителями одесской еврейской общины, выделявшейся в то время по своему высокому культурному уровню, Воронцов оказывал поддержку всяким начинаниям, направленным к духовному развитию еврейского населения и к поднятию его экономического благосостояния.

Просветительная реформа 40-х годов, вызванная совместной работой гр. Уварова и д-ра Лилиентала, связана и с именем Воронцова, который вместе с тем стремился к расширению гражданских прав евреев. Об этом свидетельствует его ответное послание (2 ноября 1842 г.) "одесскому еврейскому обществу", в котором, сохраняя осторожность в словах, вызвавшуюся условиями того времени, князь твердо и определенно обещал ходатайствовать перед государем о том, чтобы одновременно с просветительной реформой был улучшен также правовой быт евреев.

Правда, несмотря на свое большое влияние в высших правительственных кругах, Воронцов не мог добиться в этом отношении более или менее крупных результатов - воля Николая I, отрицательно относившегося к евреям, была несокрушима, - все же Воронцов несомненно содействовал смягчению тогдашней репрессивной системы.

Стараясь поднять значение еврейского населения в глазах русского общества, он добился посещения синагоги императрицей Александрой Федоровной, и позже, по его же предложению, император Николай I с наследником престола "осматривал в подробности" еврейские школы и больницы.

Не только евреи, но и греки, армяне, болгары, поляки, молдаване, немцы, шведы, французы, швейцарцы, итальянцы, цыгане, даже самые малочисленные группы переселенцев находили защиту у генерал-губернатора, если нарушались их права. Наше время отстоит от эпохи М.С.Воронцова всего на семь-восемь поколений, поэтому современные евреи, выходцы из юга Украины, Молдавии и Крыма, являются потомками евреев, спасенных этим достойнейшим человеком, о чем нам следует с благодарностью помнить.

Отношения генерал-губернатора с высшими властями России было сложными. Военный министр Чернышев не любил Михаила Семеновича за несговорчивость, за то, что он предпочитал идти по жизни своим путем. Екатерина II не любила Воронцовых за их самостоятельность и несговорчивость, за их критическое отношение к ее фаворитам. Ни Александр I, ни Николай I в сущности не благоволили М.С.Воронцову.

Многие высшие петербургские чиновники завидовали ему и интриговали против него. Но, несмотря на это, заслуги М.С.Воронцова перед отечеством были такими значительными, что он, хоть и с задержками, получил и княжеское достоинство с титулом "светлость", и высшее воинское звание генерал-фельдмаршала, и ор-

дена, и золотые шпаги, и другие отличия. Всего Михаил Семенович имел 24 боевые награды - шесть высших российских орденов (четыре с бриллиантами), многочисленные иностранные ордена и много медалей.

За 30 лет генерал-губернаторства М.С. Воронцова население Новороссии выросло почти вдвое. Полузабытая окраина превратилась в процветающий край России. Особенно много граф М.С. Воронцов сделал для южных морских ворот империи - Одессы.

В марте 1845 г. графа М.С. Воронцова в порту провожала 100-тысячная Одесса. Он уехал на должность наместника императора на Северном Кавказе. В том же году за кавказские подвиги М.С. Воронцов был возведен в княжеское достоинство. Последние дни Воронцов провел в любимой им Одессе: он вернулся туда в начале октября 1856 г., а 6 ноября его не стало. Он скончался на 75-м году от рождения.

По повелению Александра II военный министр подписал приказ, в котором говорилось, что по случаю кончины генерал-фельдмаршала князя Воронцова в ознаменование памяти к незабвенным заслугам его престолу и отечеству всем войскам сухопутного ведомства предписано носить трехдневный траур. Во все дни до похорон М.С. Воронцова "с раннего утра и до поздней ночи траурная комната наполнялась густой толпой жителей Одессы всех сословий, всех вероисповеданий, всех возрастов, желавших поклониться гробу усопшего, выражавших скорбь свою в молитве, в слезах и трогательных словах". В 1863 году на Соборной площади Одессы был открыт памятник прославленному генерал-губернатору. Деньги на сооружение памятника были собраны по подписке.

На беду старого собора и всей Одессы, в 1930-е годы бывший луганский слесарь, а в то время рабоче-крестьянский маршал Клим Ворошилов остановился в гостинице "Пассаж". Его окна выходили на Соборную площадь.

Этот маршал, в отличие от князя Воронцова, который строил собор и верил в Бога, был безбожником, потому и указал, что одесский большевистский агитпроп распространяет атеизм не на высоте поставленных задач. В 1936 году собор был взорван. Перед варварским разрушением собора могила великих князей была осквернена. Прах светлейшего князя и его супруги был буквально выброшен на улицу. Однако горожане сумели перезахоронить останки Воронцова на Слободском кладбище.

По решению того же одесского агитпропа слова на цоколе памятника Воронцову "Светлейшему князю... от благодарных соотечественников" были сбиты. Не за что, мол, благодарить.

Граф был человеком не только образованным, но и умным, что приходится признавать, невзирая на нелестные отзывы о нем Александра Пушкина: "Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, что будет полным наконец".

Об отношениях Пушкина с Воронцовым рассказывается во всех биографиях поэта

и во множестве статей. В них М.С. Воронцов неизменно изображается как враг и гонитель Пушкина, как человек безнравственный и бесчестный.

Рассказывая о жизненном пути М.С. Воронцова, нельзя обойти историю его отношений с великим русским поэтом, который испытывал нежные чувства к жене графа Елизавете Ксаверьевне. Представление о Воронцове как о враге Пушкина и как о человеке без чести и совести совершенно неверно и несправедливо.

Бесспорно, гениальное "солнце русской поэзии" имело право на собственное мнение, да и, собственно говоря, по разным причинам не любили они с Воронцовым друг друга. Однако следует отдать должное этому выдающемуся государственному деятелю, годы правления которого справедливо называют "золотым веком Одессы".

Да и сам Пушкин признавал таланты Воронцова, "путаясь в показаниях". Ведь слова "там все Одессой дышит" многого стоят. Великий поэт эпиграммой не столько наговорил на Воронцова, сколько унижил себя, проявив крайнее раздражение и ревностные чувства к генерал-губернатору Новороссии. Человека с блистательным европейским образованием трудно было назвать полунеждой. В конце жизни Пушкин раскаялся в сочинении этой эпиграммы. Кстати, при жизни Пушкина эта эпиграмма не была опубликована.

Урон репутации Воронцова нанесли не столько пушкинские эпиграммы, сколько дружные усилия многих поколений пушкинистов, которые относились к славе Воронцова так, как голуби к памятнику графа.

О восстановлении доброго имени этого благороднейшего человека нужно сказать особо. В мемуарной литературе приводятся многочисленные воспоминания сослуживцев, чиновников, друзей и родственников о М.С. Воронцове. Объем статьи, к сожалению, ограничен, но некоторые из них нужно привести.

Даже император Николай I вынужден был признать: "Я всегда говорил, что нет другого человека в России, как князь Воронцов, который бы так был способен и так умел творить, созидать, устраивать. Его голова не годится для мелочей. Он успел положить начало таким предположениям, о которых давно думали, но ничего до сих пор не сделали".

В.А. Соллогуб: "Воронцов был действительно русским солдатом, и таким, каких дай Бог много! Я отроду не встречал такой холодной и беззаботной храбрости. Сколько раз мне случалось видеть Воронцова в схватках с горцами. Всюду впереди, он отдавал приказания, шутил, улыбался и нюхал табак, точно у себя в кабинете."

Он обладал в высшей степени тремя очень редкими в русских людях качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонностью и твердостью убеждений, и самой утонченной вежливостью.

Воронцов был слишком умен и человечен, чтобы поддаваться близорукой спеси, свойственной ограниченным людям знатного происхождения."

Лев Толстой писал: "Воронцов Михаил Семенович, воспитанный в Англии сын русского посла, был среди русских высших чиновников человеком редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий

придворный в отношении с высшими".

Публикуя эту очень короткую биографию, содержащую только главные события и свидетельства современников, мы должны понимать, что эту жизнь невозможно покрыть пылью забвения, неблагодарности или клеветы. Ее нужно изучать.

М.С. Воронцов был гуманистом, ценившим и отстаивавшим, прежде всего, справедливость, честь и достоинство человеческой личности, тем более ее жизнь, независимо от национальности и веры. Он защитил и спас евреев Новороссии от угрозы геноцида со стороны царского правительства, рискуя своей карьерой. Оказывал покровительство, сотрудничал и содействовал развитию и процветанию еврейского населения, заботился о его образовании и правах.

Евреи - единственный народ на земле, обладающий чувством национальной благодарности и в знак этого присваивающий неевреям почетное звание "Праведник народов мира" за спасение евреев. Это звание присваивает израильский Институт Катастрофы и героизма "Яд ва-Шем" в Иерусалиме.

Я полагаю, что всей своей разносторонней деятельностью на пользу евреев светлейший князь, генерал-фельдмаршал, наместник царя в Новороссии, Крыму и на Кавказе, генерал-губернатор Михаил Семенович Воронцов заслужил звание праведника. Жизнь Воронцова должна стать образцом для изучения и евреями, и неевреями, а информация о нем должна быть доступна для всех.

Полагаю, что это предложение может стать реальностью только при организационной поддержке и реальном практическом участии заинтересованной общности.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Леонид Войханский, родился в Харькове 9 июля 1927 г. в семье служащего. В сентябре 1941 г. семья вместе с заводом ХЭМЗ, на котором работал мой отец, эвакуировалась в г. Прокопьевск Кемеровской обл. В марте 1942 г. я начал работать (в возрасте 14,5 лет) на этом заводе. Здесь я стал слесарем и электриком. Группа мальчишек, таких же, как я, работала в режиме военного времени. Потом нас присоединили к военной спецшколе и начали использовать на разных, чаще всего авральных работах - на погрузке-разгрузке угля на шахтах и на железной дороге, в совхозах-колхозах, на прокладке электросетей и т.п. Что же касается учебы, то она была на последнем месте.

В середине 1944 г. работа в тылу уже была хорошо налажена, и можно было продолжить учебу с намерением отставания за два прошедших тяжелых военных года. Учился не в школе, а на подготовительных курсах эвакуированного из Донецка института, где за восемь месяцев прошли программу за 8-й, 9-й и 10-й классы, учились по 12 часов в день и после так называемых экзаменов стали студентами. В конце 1944 г. институт эвакуировался в Донецк, откуда в начале 1945 г. я перевелся в Киевский политехнический институт, пото-

му что отца министерство направило на работу в Киев. Здесь началась учеба в мирное время. О качестве знаний, полученных за восемь месяцев, говорить не приходится - учиться на первых курсах института было очень трудно, так как многого я просто не знал. Выручал опыт (из военного времени) быстрого освоения на ходу незнакомых, тяжелых и разнообразных работ. Этот опыт во всей моей взрослой жизни очень пригодился. Он был особенно ценен тем, что нас, мальчишек, приучили работать наилучшим образом - брак в продукции недопустим, она идет на фронт. Я являюсь участником войны как "Труженик тыла".

В 1949 г. я окончил КПИ со специальностью инженер-механик по обработке металлов и был направлен на авиастроительный завод в г. Комсомольск-на-Амуре (в те годы ближе места мне не нашлось). За 50 лет работы в авиапромышленности пришлось работать также на других заводах и много лет в Киеве на известной фирме "Антонов", из них пять лет технологом и 45 лет конструктором летательных аппаратов и авиационных приборов. Работа конструкторов естественным путем разделяет их на так называемых чертежников и разработчиков, то есть на тех, кто только чертит, и тех, кто сначала придумывает новое и решает всякие сопутствующие проблемы, а потом чертит (таких на Западе называют дизайне-

рами). В основном они и являются создателями изобретений и патентов, чем и я довольно часто занимался. Свою карьеру я закончил в должности главного конструктора проекта.

В бывшем СССР творчество очень редко приносило удовлетворение без сопровождавших его неизбежных нервотрепок и неприятностей, а соответствующее вознаграждение бдительное начальство распределяло по своему усмотрению. Потому что изобретение принадлежало не автору, а советской родине.

Но от творчества отказаться было невозможно, вероятно, по причине его генетического происхождения. Вот этот творческий зуд и увлек меня в исследование жизни М.С. Воронцова после того, как я прочел его письмо Николаю I о намеченных репрессиях против евреев. При этом я следовал своему привычному правилу, усвоенному с конструкторских времен - ставить четкие вопросы и получать обоснованные достоверные ответы. Поэтому очерк занял довольно много времени, потраченного на поиск и работу с документами.

В январе 2003 г. мы вместе с женой эмигрировали в г. Торонто (Канада) к нашей дочери, живущей здесь со своей семьей. У меня два внука и два правнука. Жену, к сожалению, я уже потерял.

Декабрь 2018 г.

Владимир РАБИНОВИЧ

Впервые

В шестьдесят пять лет я написал свой первый рассказ и с помощью младшего внука выложил на Фэйсбук. Через несколько дней пришел первый лайк с комментарием: "Нормальная фигня. Пиши естчо".

Отвечил:

- Наконец-то я нашел человека, который немного понимает в литературе.

Сразу же пришел вопрос:

- Почему немного?

Отвечил:

- Потому что, если бы вы понимали больше, то поставили бы лайк не мне, а Льву Толстому.

Пришел вопрос:

- Где почитать. Кинь ссылку?

Нашел в электронной библиотеке и отправил ссылку на "Войну и мир".

На другой день получил сообщение:

- Ни асиллил. Многа букав.

Хелло. Май нейм ис Вова

Хелло. Май нейм ис Вова. Тудэй ай старт ед воркинг ин такси. Ю ар май ферст кастомер. Шоу ми хау ту гет зере.

Первый чувак, которого поднял в шесть часов утра на выезде из Бруклина, после того, как я сказал выученную наизусть фразу, выскочил из моего такси и хлопнул дверью так, что у меня случилась легкая баротравма.

Молодая белая пара с Парк-авеню, на которых я попробовал отработанный текст, принялись поздравлять меня, показали руку, показали дорогу и дали тип пять долларов. Я перестал бояться и принялся говорить всем клиентам подряд, пока не нарвался на пьяного в девять часов утра латиноса, которого, пробившись через тяжеленный трафик, подвез к праджектам в районе 23-й стрит. Он сказал: "Ты драйваешь, как моя жена" и ушел быстрыми шагами. Я хотел было крикнуть ему вслед: "То, что я драйваю, как ваша жена, не дает вам право не платить мне за работу!", но понял, что по-английски мне такую сложную фразу не сказать, а на меньшее я в тот момент был не согласен.

Внезапно, как это бывает в Нью-Йорке, испортилась погода, пошел мелкий холодный дождь и я, впервые, стал свидетелем и участником явления, которое на жаргоне таксистов называется "полный стрип". Вдоль улиц Манхэттена стояли клиенты, клиенты, клиенты, сто тысяч одних только клиентов и приветствовали меня древнеримским приветствием: "Да здравствует Рабинович! Медаль такси - 3С18". Высаживал одного пассажира и сразу же садился другой, и я мчался из Манхэттена в Кеннеди, из Кеннеди в Ла-Гвардию, из Ла-Гвардии в Манхэттен. Я побывал в Квинсе, Бруклине, Бронксе, Статен-Айленде, в Лонг-Айленде, съездил за речку в Нью-Джерси и вернулся в Манхэттен. Остановился в тихом месте на Вестсайте, пересчитал деньги. Я уже заработал то, что нужно было отдать за дневной шифт гаражу и еще на полный

ШЕСТЬ РАССКАЗОВ

бак бензина, следующий доллар был бы мой, но у меня не осталось сил.

Я вышел из машины и в тот же момент пережил постижение. Я, вдруг, понял, что наша общая с китайцами и арабами планета круглая и вращается вокруг своей оси со скоростью тысяча километров в час. Восхитительное чувство. Слегка пошатываясь, я подошел к уличному торговцу, который сидел в передвижном вагончике и купил мороженое хагендас и банку колы.

Очередь на обычную детскую карусель в парке Горького в то летнее воскресенье 1955 года была длиной в две порции мороженого, если его кусать, а если лизать, то значительно больше. Я бы мог простоять и дольше, потому что, кроме двух порций сливочного мороженого, у моего папы была в запасе бутылка напитка "Буратино".

Очередь двигалась рывками. Карусель брала по пятьдесят человек и десять минут не очень быстро вертела против часовой стрелки. Мой папа спросил у карусельщика, почему карусель вращается против часовой стрелки, когда должна быть по часовой стрелке. Карусельщик сказал, что по часовой стрелке детей тошнит.

Когда подошла наша очередь и открылась заветная калитка для посадки, сорок девять детей, отталкивая друг друга, побежали занимать свои места, я замешкался. Толстый аутичный еврейский мальчик, я стоял глубоко сосредоточенный на вкусе сливочного, за рубль тридцать старыми деньгами, мороженого, и не сразу сообразил, что нужно делать. А нужно было бежать и занимать место на коне, потому что тот, кому не досталось место на коне, получал место в какой-нибудь яркого цвета машинке. Мальчики старше, быстрее и сильнее меня спешили занять места верхом на конях, и это было странно, потому что машинка, если знать, как ей управлять, лучше лошади. Я пропустил коня и меня посадили в машинку желтого цвета. Вместе со мной посадили красивую нарядную девочку семи лет. Карусельщик разрешил мне сесть

за руль, и это было ошибкой с его стороны. Как только карусель тронулась, я завел в своем автомобиле двигатель, сделал U-turn и очень быстро помчался в противоположную сторону, по часовой стрелке. Через несколько минут девочку стошнило. Карусель остановили. Все были в недоумении и спрашивали: что случилось? Только мой папа, посмотрев на меня, сразу все понял и сказал:

- Больше ты у меня, булах, на карусели кататься не будешь!

Когда я подошел к своей машине, то увидел, что в такси залезла молодая проститутка, она быстро переодевалась на заднем сидении. Я сел за руль, завел двигатель и сказал:

- Хелло. Май нейм ис Вова. Тудэй ай старт ед воркинг ин такси. Ю ар май ферст кастомер. Шоу ми хау ту гет зере.

Фотоальбом

В правлении колхоза так и сказали: "Ідзіце да Валасевичау, у іх самая чыстая хата. Мужыкоў няма, толькі жанчыны і дзеці. Яны вас прымуць, яны гасцінныя".

Валасевичи жили в большом старом доме. Они обрадовались городскому гостю и устроили праздник. Пока собирали на стол, меня усадили на специально застланный чистой холстиной диван, чтобы не скучал, привели и посадили рядом высокую широкоплечую костлявую старуху. Она вначале показалась мне трохи глуховатой, но скоро я понял, что она недопонимает русский. Я попытался перейти на белорусский, старуха посмотрела на меня лукаво и сказала:

- Кеды встомпиш мендзы вронэ, мушиш кракач так, як онэ.

Молодая, похожая на мою собеседницу женщина, которая хлопотала возле стола и прислушивалась к нашему разговору, сказала старухе с ласковой укоризной:

- Мама, перастанце.

- Он ни разуме, - сказала старуха.

- Разумею, - сказал я.

- О, пан розуме па польску. Дзе пан навучыўся польскай мове? - сказала с притворным удивлением старуха.

- Любе слушаць польскага радия, - похвалялся я.

Она посмотрела на меня внимательно и спросила:

- Здаецца мне, ты з жы.оў будзеш?

- С жи.ов, - ответил я покорно.

Старуха вдруг неожиданно погладила меня по голове и сказала:

- Ты не турбуйся, мы жы.оў любім. Я ў вайну аднаго вашага хавала. У мяне малодшая дачка ад яго нарадзілася.

- А где он сейчас? - спросил я.

- Не ведаю, - ответила старуха. Она явно потеплела ко мне и спросила: - Можна, пан жадае паглядзець нашы фоты?

Я выразил интерес, и девочка лет пятнадцати принесла и положила мне на колени большой фотоальбом.

Я открыл альбом наугад, принялся листать и ужаснулся, там были фотографии

с одним и тем же сюжетом: в центре снимка - гроб с покойником, мужчина, женщина или ребенок, а вокруг, в праздничной одежде, стоят люди и напряженно смотрят в одну точку - в объектив.

Я закрыл альбом и спросил удивленно:

- Почему вы фотографируете похороны?

- На память, - сказала старуха.

- У вас нет других праздничных событий? - спросил я.

- Не разумею пана, - сказала старуха.

- Нема падзей? - спросил я.

- Яких падзей?

- Дни рождения, например.

- А што іх святкаваць, гэтыя дні нараджэння. Вунь у нас колькі дзяцей. Ня на-празднуешся, працаваць калі. У нас няма часу фатаграфавацца, - сказала старуха.

- А где ваши мужчины? - спросил я.

- Усе тут, - старуха погладила рукой обложку альбома.

- А дети откуда?

- А чорт іх ведае, ад каго яны раджаюць, - старуха кивнула в сторону двух женщин, которые хлопотали вокруг стола.

- Мама, ну што вы такое кажаце, со смехом сказала одна из женщин. - Слухайце больш, што яна вам тут напляце.

- Ну, а свадьбы, у вас же бывают свадьбы, - спросил я.

- Ёсць адно вяселле, - сказала старуха и открыла альбом сначала. Там, на единственной на весь лист картонной странице, я увидел вставленное в уголки пожелтевшее фото с зубатыми краями.

Фотография была сделана в салоне у фотографа. Задником служила панорама красивого старинного города со множеством готических зданий. Каждое здание было тщательно в деталях прорисовано. Я видел такие изображения на польских марках. На фотографии - молодой, но уже начавший лысеть, носатый мужчина в тройке с галстуком бабочкой, неумело видно первый раз в жизни держит трость и цилиндр и красивая девушка в подвенечном платье со шлейфом и букетом искусственных цветов в руках.

- Гэта а, а гэта мой нарэчонны, - сказала старуха.

- Ваш муж? - уточнил я.

- Муж, муж, - беззлобно передразнила меня старуха.

- А где он сейчас? - спросил я.

- А вот, - старуха перевернула страницу, и я увидел знакомый уже похоронный сюжет.

Аптека Рабиновича

Я разыскиваю глазами светофор. Здесь он висит необычно высоко на металлической эстакаде, по которой ходит сабвей, очень старой и ржавой. Когда я в первый раз увидел Бруклин, вспомнился урок географии в минской школе. Учительница Валентина Петровна грубо, захватывая территорию Канады и прибрежные воды Тихого и Атлантического океанов, Мексиканский залив, Кубу и Антильские острова, обвела указкой США и с ненавистью сказала: "Америку

никогда не бомбили, ни одна бомба не упала на головы американцев, в то время как Америка бомбит всех". В старом четырехэтажном бруклинском билдинге, куда нас поселила Наяна, я встречал говорящих на идиш тараканов, которым было больше 100 лет.

Пожилая белая американка в коротких, как у девочки-подростка, шортах. Дряблая лягушечья кожа. Гречка пигмента. Дрожащей рукой алой помадой накрашены губы. Заблудилась. Остановилась, испуганно озирается. Я предлагаю ей помощь. Схватила и сильно держит меня за руку, спрашивает, где аптека Рабиновича.

- На седьмом Брайтоне.

- Вы не согласитесь меня проводить?

Сняла солнечные очки, смотрит умоляюще. Соглашаюсь. Выставляю ей для опоры правый локоть. Обходит, берет под левую руку и говорит:

- Правая рука у мужчины должна быть всегда свободной. Такой красивый молодой человек. Сколько тебе лет?

- Пятьдесят.

- Ты доживешь до ста двадцати.

Мы не спеша двигаемся в сторону седьмого Брайтона.

- Я давно здесь не была. Как много людей вокруг. На каком языке все эти вывески? - спрашивает она.

- На русском.

- Русские все же захватили нас.

Улыбается.

- У меня сегодня день рождения. Я убежала. Меня ищут, наверное.

- Сколько вам лет? - спрашиваю я.

- Ты не должен задавать такой вопрос даме.

- Извините.

- А сколько ты мне дашь?

- Ну, не знаю.

- Мне девяносто девять лет.

Я изображаю восторг и изумление на лице.

- Ну, может быть немного больше.

Дальше счетчик не показывает.

Она смеется, показывает испачканные губной помадой искусственные зубы.

- Ко мне уже много лет никто не приходит. Все умерли.

- Зачем ты ее привел? - встречает нас в дверях секьюрити по кличке Ильич. - Она уже третий раз сегодня сюда приходит... Что тебе опять нужно? - спрашивает он довольно грубо у моей спутницы.

Наверху проходит сабвей. Мы стоим и молча смотрим друг на друга.

Она показывает пальцем на Ильича, смеется. Ее забавляет его белая капитанская фуражка.

- Она не понимает по-русски, - говорю я.

- Ну, так объясни, - зло требует Ильич.

- Чего бы вы хотели? - перевожу я в самой известной мне из учебника английского вежливой форме.

- Я хочу видеть мистера Рабиновича, - она показывает на вывеску по-английски, "Rabinoviz Pharmacy".

- Нет никакого мистера Рабиновича. Это старая вывеска, - говорит Ильич.

- Я знаю. Мистер Рабинович - мой муж, он умер сорок лет назад.

Сионистская морда

Ночь 16 января 1972 года выдалась холодной. Последний троллейбус в сторону сельхозпоселка ушел в одиннадцать двадцать. Сейчас он уже стоял вместе с другими со снятыми рогами на кольце Чайковского. Водителей по домам развозил Летучий Голландец - белый троллейбус с фанерками вместо окон.

Рабинович остался бы у Татьяны Захаровны ночевать и, кроме одного раза, когда она чуть было не утопила его в ванной, разбудил бы ее еще ночью в постели и еще два раза под утро, потому что был молодой и все у него было молодое. Но неожиданно появился Татьяна муж и вежливо сидел на кухне, ждал, когда Рабинович уйдет. Татьяна Захаровна выпила от огорчения всю метаксу, пошатываясь, прошла с Рабиновичем в коридор, закрутила у него на шее китайский махеровый шарф, который вытащила из рукава висевшего на вешалке пальто мужа, сунула ему в карманчик холодной мальчишеской болоньевой куртки пять рублей, сказала: "Возьмешь такси", поцеловала в губы, развернула, как ребенка, и сильно толкнула в спину. Он вылетел на лестничную площадку.

По площади перед Домом профсоюзов ветер катал мертвую елку со с остатками новогодней мишуры. На стоянке такси стояла старомодно, но тепло одетая пожилая пара, за ними переминался с ноги на ногу, ждал своей очереди какой-то штымп в хорошо пошитом деревенском, но слишком высоко по моде обрезанном, кожаном. Шапки у него не было, и он на всю высоту головы поднял воротник своего полушубка.

- Вы крайний? - вежливо спросил Рабинович.

Штымп обернулся и Рабинович увидел злое, пьяное лицо, которому обрамление из овечьей шерсти придавало сходство с Ломоносовым в парике.

- Смотри с какого края, - сказал штымп.

Рабинович промолчал, он терялся перед пьяными, ему было всего лишь семнадцать лет.

К стоянке подъехало такси.

- Куда вам? - спросил штымп у пожилой пары. Они ничего не ответили. - Вот же бля, - обратился штымп к Рабиновичу, - я уже два раза у них спрашивал. Молчат.

- Почему? - спросил Рабинович.

- Не хотят, чтобы я с ними ехал.

- Куда вам ехать! - желая угодить штымпу, спросил Рабинович у стариков громко. Пожилая пара безмолвно села в такси и уехала.

- Куда, куда, - сказал штымп, - ты что, не видишь куда, на еврейское кладбище. А тебе куда? - спросил он у Рабиновича.

- На Сельхозпоселок.

- Во бля, - сказал штымп, - есть люди, которые ездят на Сельхозпоселок на такси. Как ты там живешь, на своем Сельхозпоселке.

- Хорошо, - сказал Рабинович и улыбнулся. Он любил свой родной Сельхозпоселок.

- Нужно уметь хорошо п...иться, чтобы жить на Сельхозпоселке.

- Не обязательно, - сказал Рабинович, - но я умею.

- Давай по...имся, - сказал штымп.

- Зачем? - спросил Рабинович.

- Холодно так стоять, - сказал штымп и неожиданно ударил Рабиновича ладонью по лицу. Рабинович стал в стойку, сбил второй удар, схватил противника за отвороты полушубка и бросил через себя головой в сугроб.

- О, бля, приемчики, - сказал штымп обиженно.

- Извините, - сказал Рабинович.

Подъехало такси, из машины вылез водитель и, прикрывшись дверью, стал мочиться на снег.

- Шеф, на Аэродромную поедет? - сказал просительно штымп.

- Не, не поедет, - сказал водитель странным, как у куклы, голосом.

- Почему?

- А уля мне там делать, на твоей Аэродромной?

- Не имеете права.

- Имею, - сказал таксист, - ты бухой...

А тебе куда? - спросил он у Рабиновича.

- На Сельхозпоселок.

- За пятерку отвезу, - сказал таксист.

- Согласен, - сказал Рабинович.

- Садись.

- Почему вы его берете, а мне отказываете? - спросил штымп.

- Мне твоя морда не нравится, - сказал таксист.

- Какая у меня морда?

Таксист отряхнулся, застегнул ширинку, посмотрел на штымпа презрительно и сказал:

- Сионистская.

Еще польска не згинэла!

В Варшаве было десять утра. Поезд до Вены уходил в шесть часов вечера.

- Куда пойдем?

- В туалет.

- А где у них здесь туалет?

- Пойдем поищем. Времени достаточно.

Первый в моей жизни заграничный туалет ничем не отличался от нашего советского. Там царили те же, что и в СССР, звуки и запахи и делали в нем все так же, как и у нас. Но на выходе случился конфуз. За столиком сидела тетка с лицом печальным, которое делают обычно женщины-общественницы, когда собирают деньги на похороны, и поляки, которые проходили мимо нее, изображали на секунду такие же скорбные лица и бросали в выставленную на столе картонную коробку монетки. Вот это уже была полная заграница. Почему она сидит возле туалета? На какие нужды собирает деньги? Почему люди, которые проходят мимо, все без исключения, дают этой тетке деньги? Вот мужик бросил две монетки. Это много или мало?

Я заглянул в коробку. Монет и маленьких грязных бумажек там было навалом. Я бы тоже ей что-нибудь бросил, но на таможне в Бресте у нас забрали все деньги, а те триста баксов на нос, что нам разрешили провезти с собой, неразменными сотками хранились в глубоком внутреннем кармане. На эти деньги нужно

было еще как-то дожить до Америки. Мы встретились с теткой глазами. Вместо того, чтобы изобразить скорбь, я улыбнулся, и в тот же момент она выскочила из-за стола, вцепилась мне в плечо и спросила почти по-русски:

- Ты срал?

- Нет, - воспитанный с детства говорить правду, ответил я.

- А цо ты там робиу? - спросила тетка так строго, что я почувствовал себя школьником.

- Это, - я изобразил пантомимически скульптуру писающего мальчика, не будучи уверенным, что смогу объяснить на словах, что я делал в туалете, но сделал это осторожно, так чтобы не оскорбить великий польский народ.

- За то тэж трэба заплациць, - сказала тетка и довольно искусно изобразила того же мальчика, который сперва писает, потом моет руки и бросает в коробку деньги. - То у вас там при коммунизме все дармовое, а у нас при капитализме мусимо за вшистка платиць.

Я содрогнулся от несправедливости того, что она сказала. Во-первых, Польша - страна социалистического лагеря... Я подумал, как бы я мог это ей сказать. Как изобразить пантомимически: "Член стран Варшавского договора". Польский язык я понимал процентов на шестьдесят, но говорить мог только по-русски. И в этот момент за моей спиной кто-то сказал:

- Пани Зося, чего вы от них хотите, это жида, которые едут в Америку. Они ничего не понимают. Я за них заплачу, - и в коробочку добавилось несколько монет.

Я обернулся и увидел совершенно уродливой внешности господина, на которого в Минске и не обратил бы внимания, а здесь в Варшаве он заплатил за меня, совершенно чужого ему человека. Сердце мое исполнилось благодарности и, чтобы сделать ему приятное, я сказал громко, обратившись к нему и выходящим из туалета польским товарищам:

- Еще польска не згинэла!

ОБ АВТОРЕ

Родился в Минске в 1950 году.

Учился в 45-й средней минской школе.

В 1967 году поступил в Минский пединститут на исторический факультет заочно.

Работал на Приборостроительном заводе имени Ленина грузчиком, монтировщиком сцены в Театре кукол, санитаром психбригады на станции скорой помощи.

Служил срочную службу в войсках ПВО.

В 1980 году был осужден по статье 160 УК БССР - запрещенный промысел. Год провел в следственном изоляторе на Володарского и 1,5 года на "химии" в Мяделе.

В 1987 году эмигрировал в США.

Работал водителем такси.

Писать начал в 2014 году. Написал около 600 маленьких рассказов.

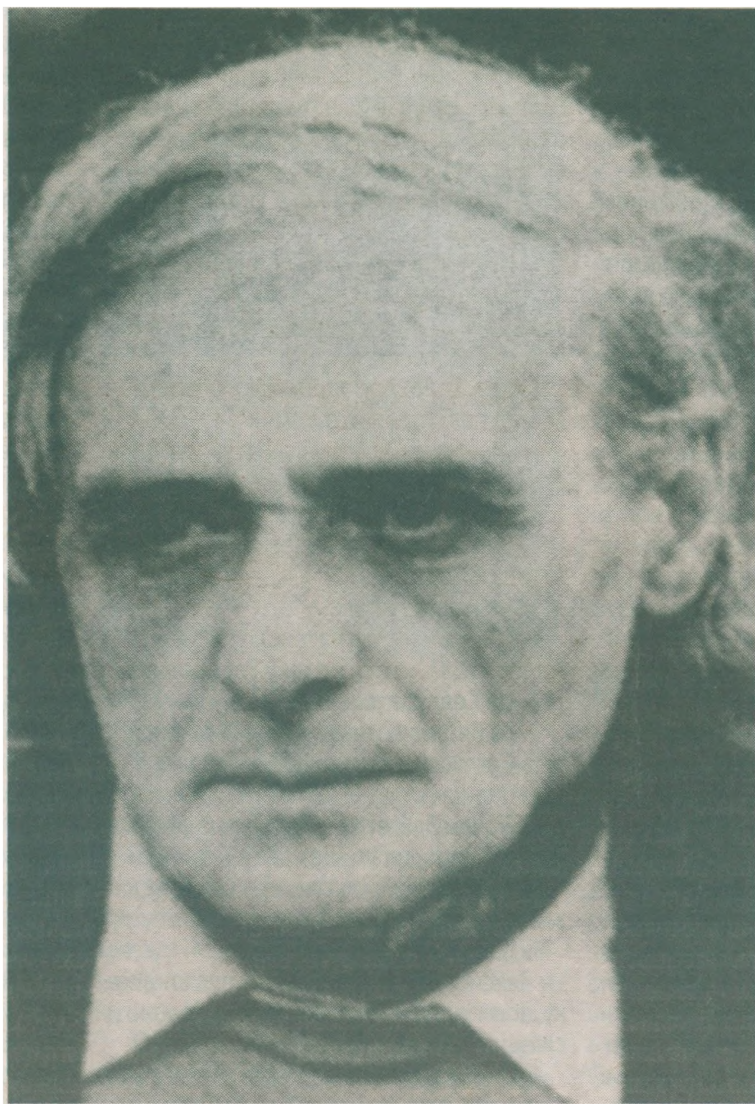
НЕ МЫ ГОВОРИМ ЯЗЫКОМ, ЯЗЫК ГОВОРИТ НАМИ

"Мне кажется, что в поэзии (речь идет, разумеется, о настоящей поэзии, поэзии не подражательной) форма, то есть звуковая инструментовка, и конфликтует со смыслом, и каким-то таинственным образом, мне кажется, смысл вдруг как-то переплескивает, он вдруг "самовытаскивается", начинает побеждать звук, но звуком же и вытаскивается. Тут есть смысл, но это не смысл прозы, это именно смысл поэзии, как особого вида искусства. Есть конфликт между "звукальностью" поэзии (это термин В.Каменского) и поэтическим смыслом. Кстати, существуют стихи, которые воспринимаются скорее графически, как нечто написанное, но я воспринимаю поэзию именно как звучание..."

Это высказывание принадлежит русскому, а впоследствии - израильскому поэту, признанному мастеру палиндрома (вот один из примеров: "нет, не нам мир имманентен"), а также переводчику с иврита на русский язык Савелию Гринбергу. 31 января со дня его рождения исполняется 105 лет.

Савелий родился в Екатеринославе. В двухлетнем возрасте семья переехала на жительство в Москву. После школы Гринберг работал на московских промышленных предприятиях. В начале 1930-х и в последующие годы Савелий был активным участником, так называемой, "Бригады Маяковского", в первом ее составе, став активным пропагандистом творчества великого пролетарского поэта. В конце 1930-х Гринберг трудился научным сотрудником в Литературном музее. В 1935 году Савелий получил разрешение на выезд в Палестину, где к тому времени уже жили его родители и сестра. Но прожил он на родине предков тогда лишь два года, работал помощником землемера. В 1937-м (нашел же время!) вернулся в Москву, еще на 36 лет. Но под репрессии не попал. Два года, проведенных на земле Эрец-Исраэль, отразились в нескольких, написанных им позднее стихах. И вот - одно из них:

За эту груду лет,
протекших с той поры,
успел отвыкнуть я от языка
Екклесиаста и Песни Песней,
но во мне остался тот край
и говор жаркий. Емкие слова,
созвучия, которыми
размечен был тот мир.
Сожжённые холмы.
Солёное морское испаренье,
рош эвкалиптовых громады,
и бетонный вздыб дорож.
Успел отвыкнуть я,

но для меня тот край остался
в мелодии слов.
И годы не сумели заглушить,
ни даже гром и вихрь войны,
ни муки, ни скитанья
его не стёрли в памяти моей.
Корнями разветвленные слова,
ребристые. Литые.
В них сумерек свинец,
в них бурная заря
и солнце на горбах
плывущих облаков.

Во время Великой Отечественной войны Гринберг вступил в народное ополчение, участвовал в возведении оборонительных рубежей, входил в группу лекторов по литературной тематике, выступавших перед бойцами в армии и на флоте. 1943 год встретил на "Малой Земле", под Новороссийском, 1944-ый - на Рыбачьем полуострове, на далеком российском севере.

В послевоенные годы Савелий продолжал работать в московских музеях - лектором, научным сотрудником. В 1960-е годы был старшим научным сотрудником Музея В.В.Маяковского. Собственные произведения Гринберга были известны лишь в узком кругу литераторов, связанных с тем же Домом-музеем. Являясь наследником и продолжателем традиций русского клас-

сического авангарда, вбирая опыт Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Василия Каменского, Бориса Пастернака, Алексея Крученых, Савелий Гринберг создал свой, индивидуальный стиль, который, не вписываясь в усредненную "советскую поэзию". В частности, в 60-е годы он сочинил целую серию впечатляющих "обратимых" стихов - палиндромов, которые ныне признаны безусловными образцами этой формы. Ни одно (!) стихотворение Савелия Гринберга не было опубликовано в Советском Союзе. Но некоторые ходили в списках, а иногда уже и без упоминания имени автора, что, в подобных случаях, нередко происходило.

В 1973 году литератор репатрировался в Израиль. В Иерусалиме был издан сборник стихотворений Савелия Гринберга "Московские дневниковинки". Основным материалом для этой книги послужили тетради поэта 1930-1960-х годов. Много работал над переводами - с иврита на русский язык, донес до русскоязычного читателя образцы поэтического творчества Ибн Габироля и современных израильских поэтов - Иегуды Амихая, Давида Авидана, Меира Визелтира, Йоны Волах. Переводы Гринберга, особенно из крупнейшего ивритоязычного по-

эта-авангардиста Авидана, получили высокую оценку литературных критиков. Гринберг публиковался в журналах ("Время и мы", "Возрождение", "Сион", "22", "Народ и земля", "Континент") и в антологиях. Вел цикл радиопрограмм (на русском языке), посвященных современной израильской поэзии, где раскрывал своеобразие творческой лаборатории каждого автора.

В 1997 году книга Савелия Гринберга "Осения" вышла в Москве. Сборник впервые представил масштаб творческих поисков автора, последовательно продолжавшего авангардную линию в русской поэзии. Посмертно, в 2003 году в столице России увидели свет составленное Элеонорой Вертоградской малое собрание "Онегостишия и Онгсты" и небольшая книжка "Посвящается В.В.Маяковскому", задуманная автором при жизни.

Тематика поэзии Гринберга - это мир и война, поэт и Вселенная, земные города. Напряженность ритма поддерживается у него сменой различных стихотворных размеров в стремлении воссоздать сложный и насыщенный внутренний мир человека сознания и ассоциативностью напряженного мышления.

Скончался Савелий Гринберг в Иерусалиме в 2003 году. Одно из его стихотворений можно считать призывом к потомкам:

Ты возьми, перечти,
вникни снова.
Через годы тебе адресовано.
Для тебя это взвезено слово
приземлённой мечты
эдисоновой.
Жизнестойкость -
тяжёлая травма.
День, что небом
вытаращился пристально.
Полускрытая, жесткая правда.
Светозарно палящая истина.

**Из поэтического наследия
Савелия Гринберга-переводчика**

Иегуда Амихай

Зовут

Таксомоторы внизу
и ангелы на высотах.
И те, и другие нетерпеливо
и одновременно
зовут меня утрашающим
голосом.

Я иду. Я
иду!
Я спускаюсь.
Я поднимаюсь.

Разросшийся сад,
посаженный в память
мальчика, павшего на войне,
становится похожим на него,
- когда он был,
двадцать восемь лет тому
назад, - становится похожим
все больше и больше,
с каждым годом.
Его старики-родители прихо-
дят сюда почти
что ежедневно,
чтобы посидеть здесь
на скамейке,
чтобы смотреть на него.
И каждой ночью
воспоминание гудит-рокошет,
словно мотор
над кронами роши.
Днем это не слышно.

Давид Авидан

Разговоры

(Эпилог)

Мы ждали себя минуты,
мы ждали себя года,
а теперь вот мы вычитаем,
а теперь вот складываемся мы,
а покамест мы выходим, пока-
мест возвращаемся мы,
мы искали тебя сегодня, чтобы
завтра искать себя.

Этот словопоток прекратят,
когда словопоток прекратят,
прекратят этот словопоток,
если словопоток
вновь продлят,
а продлят этот словопоток,
когда словопоток прекратят.

До сих пор это дело само,
а от сих это темы иные.
До сих пор это темы иные,
а от сих это дело само,
и от сих эту тему начнут,
и открыв, эту тему введут,
и тогда продолжение продлят
и продление тему прервет.

Что для меня Судный день

Я всегда под судом
моего судного дня.
Каждые десять лет
человек должен решать:
хочет ли он жить
еще следующие десять лет.
По существу, ведь каждый день
человек должен решать:
хочет ли он жить
в следующий день.
Ведь даже каждую минуту
человек должен решать:
хочет ли он жить
в следующую минуту.
Так что же все-таки
означает для меня судный день?
Судный день это каждый день.